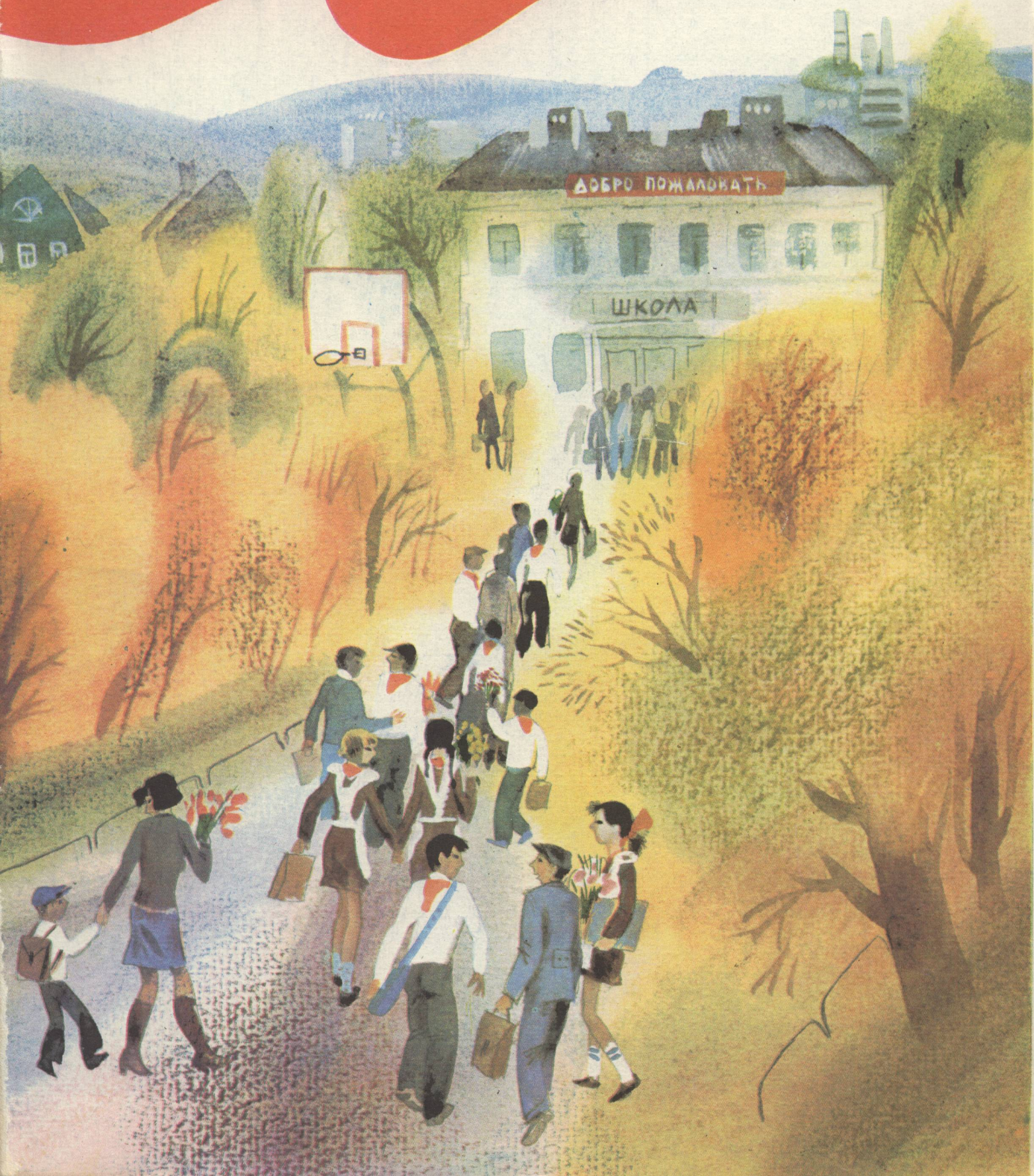

КОСТЁР

СЕНТЯБРЬ 9/1981

КОСТЁР

9

СЕНТЯБРЬ

1981

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина

Союза писателей СССР

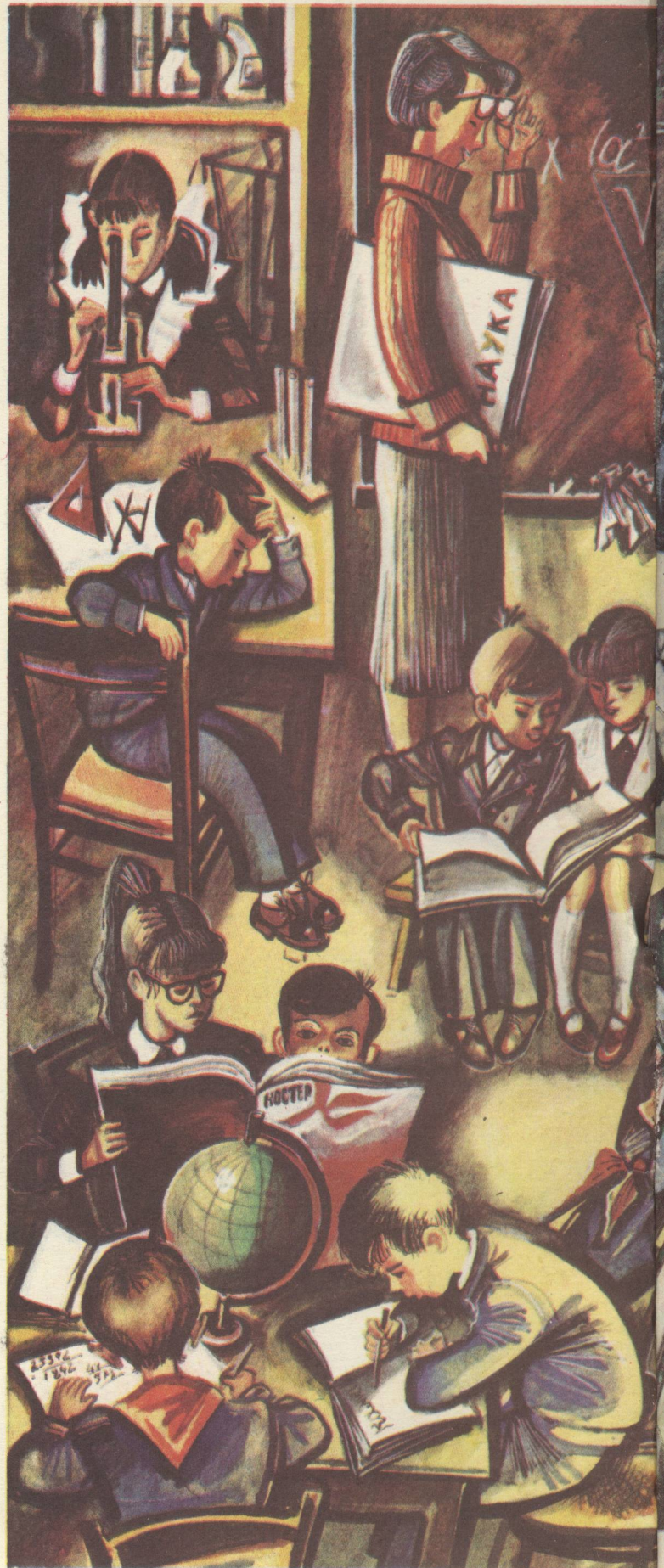
Издаётся с 1936 года

© «Костёр», 1981 г.

ЖУРНАЛ ПЕЧАТАЕТ:

На Аптекарском острове повесть Н. Федорова	3
Стихи твоих ровесников	10
Барабан	12
Вода. Земля. Воздух очерк А. Стерликова	16
Новоселье фотостраница Р. Германа	19
Необыкновенное путешествие Степана Крашенинникова рассказ Н. Эйдельмана	20
Заводы, которые в чертежах очерк О. Носова	26
В редакцию пришло письмо	30
Они рисуют для вас	32
Стихи В. Степанова	34
Киноклуб	36
Морская газета	38
Школа будущих командиров	40
Спортклуб «Кузнечик»	42
Веселый звонок	44
Контрольная заметка И. Мезенцевой	46
Арчбек	47

Обложка художника В. Топкова.

ЛЮБИМАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА

СТИХИ О КАМНЕ

Е. ЕФИМОВСКИЙ

— Видите, камень?
Вот тот — придорожный.
— Камень как камень.
Обычный.
— Возможно...
Вот бы о нем поточнее узнать.
Надо Науку на помощь позвать...

Как пишется «камень» —
научит Грамматика.
Размеры и форму
найдет Математика.
Физика —
массу отыщет и вес.
Минералогия взглянет на срез:
— Это кремён, —
она скажет ребятам.
Мы называем его силикатом.
А силикат расплавляют в печи
и получают стекло, кирпичи...
Археология скажет:
— находка!
Справа на камне видна
обработка!
Жил в этой местности
древний народ!
Сразу История слово берет:
— Был этот камень в почете и в силе.
Древние люди им сучья рубили.
Им добывали одежду и пищу,
жилой примотан он был к топорищу.
В каменном веке, во времени давнем
люди огонь высекали тем камнем.
Был он жилищем, и печью, и плугом.
Был он защитой, кормильцем и другом...

Камень в овраге лежит придорожном.
Камень простой.
Или, может быть, сложный?
Все ли узнал ты о нем, человек?
Просто обязан. Не каменный век.

Рисунок В. Лебедева

По старым улочкам Рязани идет Светлана Григорьевна Гарамова: невысокая, черные волосы туго стянуты на затылке в узел. Какой-то длинный парень в военной форме бросается ей навстречу, обнимает. А вот спешит красивая девушка — в институт или на работу. Повстречав Светлану Григорьевну, смущается, будто школьница, сумочку берет в обе руки, как портфель, поддает ее коленкой, что-то быстро-быстро говорит. Потом со Светланой Григорьевной раскланивается старик. Она минует маленький двухэтажный особнячок, где жил когда-то Салты-

*Автопортрет. Простите что
немного смешной - рисуно как
шучу.*

*Для Вас дорогая
Светлана Григорьевна.*

ков-Щедрин. Напротив строгое желтое здание — бывшая гимназия, а теперь школа № 7. Здесь Светлану Григорьевну окружают мальчишки и девчонки...

Утром она забрала письма из почтового ящика. Сережа Лохин прислал смешной автопортрет. Сережа — бывший вожатый. Закончил военное училище, уже офицер. Вот еще армейское письмо — без марки. От Альки, ее выпускника.

«...Часто думаю о школе. Как замечательно, что она была у нас, наша седьмая школа, и мы жили ее жизнью, а не просто приходили на уроки. Иду

мимо здешней школы и так хочется снова сесть за парту. Смотрю на ребят и девчонок и завидую им. У меня — школы уже не будет. А помните наши походы? Вы очень здорово варили кашу на костре. Такой вкусной каши я больше нигде не ел. С нетерпением жду Вашего письма. Ваш Алька Алешечкин».

И это письмо без марки — от Саши. На конверте написано: «Прошу прочесть — не рвите! Пожалуйста!!!»

Светлана Григорьевна никогда не дружила с Сашей, а расстались и совсем плохо: перед самым выпускным вечером наговорил грубостей. Потом встретила на улице Сашину мать, и та сказала ей обидные, несправедливые слова. Пришла тогда в школу — настроение ужасное. И вдруг из учительской прибегают: «К телефону! Вызывает Москва». Юра звонит, тоже ее выпускник.

— Юра, — кричит она в трубку, — что случилось?

— Ничего, Светлана Григорьевна.

— Тогда почему звонишь?

— Просто так. Соскучился. Подумал: как там Светлана Григорьевна поживает?

— Спасибо тебе, Юрка. У меня только что был нехороший разговор. Ты как почувствовал, что позвонить нужно.

А теперь Саша прислал письмо.

«Мы с Вами часто ссорились и, наверно, я рассказывал об

этом матери. Сам я не подаю, Вы знаете. И мать моя тяжелый человек, не зря я с восьмого класса жил у бабушки. Я теперь часто думаю о Вас. Вы учили нас быть честными и принципиальными. Обидно, что я начал разбираться в этом только сейчас. Мне очень не хочется, чтобы Вы думали обо мне плохо. Может, я не такой уж пропащий? Вы, конечно, можете не отвечать на это письмо. Но я все-таки буду ждать...»

Сегодня же надо ответить, думает Светлана Григорьевна, а письмо Сережи Кондрашкина нужно зачитать на уроке. Хорошее, серьезное письмо о том, как он учится быть настоящим командиром.

Она дочитывает письма перед звонком. И вот уже на школьной доске идет сражение между римской и карфагенской армиями, и, вопреки историческому факту, Ганнибалу грозит поражение, потому что Володя неправильно выстраивает карфагенскую пехоту и конницу.

На втором уроке Светлана Григорьевна внимательно наблюдает за Колей и Игорем. Не смотрят друг на друга.

Вчера позвал Светлану Григорьевну второклашка: «Ваши на лестнице дерутся!» Побежала, крикнула: «Остановитесь!» Подошли к ней взлохмаченные, тяжело дышат. «Светлана Григорьевна, — говорит Коля, — не спрашивайте ни о чем. Это наши мужские

дела, сами разберемся. Обещаю, все будет в порядке». А она и не спрашивала, почему поссорились — сами расскажут. Через некоторое время.

После урока подозвала их.

— Вот адрес Ивана Алексеевича Абрамова. Он выпускник школы сорок первого года, ветеран войны. Сегодня приходила его жена. Она больна, Иван Алексеевич не встает с постели, дом в ужасном состоянии. Обоим есть — стены оклейте. И посмотрите, что еще можно сделать.

Набычились. Игорь заупрямился:

— Не пойду я с ним.

— Я не заставляю, — говорит Светлана Григорьевна, — я прошу. И не забудьте взять рабочую одежду. А вечером я проведу вас.

Повернулись, будто бы недовольные, и пошли. Но Светлана Григорьевна знает, что они хотят пойти вместе, потому что работа их обязательно помирят, а им очень нужно помириться.

Домой Светлана Григорьевна пришла поздно. Забрала из почтового ящика письма и газеты. И в первую очередь села читать письмо от своей учительницы, Натальи Ивановны Степанян, которая преподает все в той же школе, в Зеленокумске, где когда-то училась и работала пионервожатой сама Светлана Григорьевна...

Е. МАТВЕЕВА

НА АПТЕКАРСКОМ ОСТРОВЕ

Николай ФЕДОРОВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки А. Слепкина

Глава 1. В САДУ

Ничего хорошего от этих субтропиков я не ожидал. Так оно и вышло. Было душно и влажно, а от растений шел такой терпкий одуряющий запах, что я начал непрерывно зевать. К тому же я был в зимнем пальто и в свитере — одежда для прогулки в субтропиках самая неподходящая. «Хоть бы раздевалку при входе сделали», — подумал я и решил, что пора идти домой. Но пошел, видно, не в ту сторону. Одна оранжерея переходила в другую, пальмы и эвкалипты сменили колючие кактусы, а выхода не было видно. Я уже собирался спросить у женщины, вынимавшей из теплой земли огромный градусник, где у них выход, и вдруг как вкопанный остановился и даже зажмурился. Передо мной, словно снежное морозное облако, возник большой куст, сплошь усыпанный мелкими, необычайно белыми цветами. Цветы были настолько чистыми и свежими, что, казалось, от куста тянуло прохладой как из распахнутой дверцы холодильника. Только что я изнывал от тропической жары, а тут даже плечами передернул, и по спине пробежали мурашки. Под кустом в землю была воткнута табличка с надписью: *рододендрон даурский*.

— Изумительно, не правда ли? — услышал я вдруг и обернулся. Позади меня, опираясь на палку, стоял высокий, худощавый старик с легкими седыми волосами. — Говорят, некрасивых цветов не бывает, — продолжал он. — Так оно, бесспорно, и есть. Но каждый раз, когда я гляжу на эти кусты, то думаю, что тут не просто красота, тут прямо чудо какое-то. Фантастика, если хотите. Впрочем, здесь и слов никаких не подберешь. Да и не нужно, наверное. Вы со мной согласны?

Честно говоря, я не очень-то понял, что сказал старик, но почему-то я ему сразу поверил.

— Я согласен, — сказал я.

Старик одобрительно закивал головой и продолжал:

— А ведь куст этот мне ровесник, можете себе представить?! Он еще до революции родился и стоял тогда в церкви. Его в пасху на всеобщую выносили. Ну, а уж потом передали сюда, в ботанический сад.

— Вы здесь работаете? — спросил я.

— Работал, — ответил старик. — Теперь на пенсии. Но каждую весну обязательно прихожу, смотрю, как рододендроны цветут. — Старик помолчал, а потом неожиданно добавил: — Помните, у Достоевского: красота спасет мир.

Я посмотрел на старика, подумав, что он смеется надо мной. Да и откуда мне, в самом деле, знать, что сказал Достоевский, про которого я только и слышал, что у него есть книга со странным названием «Идиот».

— Красота спасет мир? — повторил я. — Но разве мир нужно спасать?

Старик мягко улыбнулся и спросил:

— Сколько вам лет? Если не секрет, конечно.

— Не секрет, — сказал я. — Мне одиннадцать.

— Во время войны, — сказал старик, — сюда, на Ботанический сад, упало больше трехсот немецких снарядов и бомб. Все оранжерейные растения погибли. Уцелели только кактусы, да вот этот куст. Сотрудники разобрали их по домам и спасли.

— Но ведь вы сказали: красота спасет мир. А тут наоборот получается — люди красоту спасали, когда цветы домой уносили?

— Правильно. А как вы думаете, для чего они это делали? Кругом война идет страшная, голод. А цветы эти ни съешь, ни печку ими не растопишь? Наверное, они понимали, что мира без красоты быть не может. Погибнет красота — и мир погибнет. — Старик помолчал, задумавшись о чем-то, потом сказал: — Знаете, есть такое растение — кипрей. В народе его иван-чаем называют. Растет он обычно по вырубкам, просекам, гарям. Везде, одним словом, где с землей, с лесом беда случилась, и ничто там расти не может. А кипрей растение яркое, медовое. Вот уже пчела вокруг него вьется, шмель жужжит, да и земля, на которой кипрей стоит, подлечилась, окрепла. Глядишь, другие цветы появились, кусты зазеленели, деревца поднялись. И нет больше пустоши, снова лес шумит, живой и сильный. А кипрей тут уже и места нет. Вытеснила его новая, молодая жизнь.

Мы еще немного молча постояли около белых нежных цветов, потом вышли из оранжереи и пошли по узкой асфальтовой дорожке, вдоль которой густо росли кусты с уже набухшими почками. Синий воздух был чистый и чуть морозный. За кустами в парке по талому снегу важно разгуливали большие серьезные вороны. Старик остановился и, постучав палкой по земле, сказал:

— А знаете, что здесь было раньше, двести пятьдесят лет назад? Аптекарский огород.

— Огород?

— Именно. Говоря современным языком — питомник лекарственных растений. И создан он был по личному указу Петра Первого. Ведь в то время Россия вела Северную войну, нужны были лекарства. А пенициллина или там ацетилсалициловой кислоты тогда, сами понимаете, не было, лечили главным образом травами. Вот и решили здесь, на этом острове лекарственные растения разводить. Кстати, и остров поэтому Аптекарским назван. Ну, а уж потом, через сто с лишним лет тут императорский ботанический сад основали. А первые редкие растения привезли сюда из теплиц графа Разумовского. А потом наш сад зна-

менитым стал, одним из лучших в мире. Потом война. После войны почти все заново пришлось восстанавливать... А вы, кстати, тут часто бываете?

— Не очень, — сказал я. Почему-то мне не хотелось говорить старику, что я здесь первый раз в жизни, да к тому же пришел по самому дурацкому поводу.

— Мой дружеский совет — приходите чаще. Приходите, когда просто хорошее настроение. Когда плохое или трудности там какие — тоже приходите. Вот скоро тюльпаны зацветут, прямо тут в саду на открытом воздухе. Тоже, скажу вам, удивительнейшее зрелище. Ну, а уж в конце июня, когда распускается Виктория регия, надо быть непременно. Только представьте: на тихой, гладкой воде бассейна плавают огромные круглые листья, а над ними, прямо у вас на глазах, раскрываются белые или чуть розоватые цветы. Воздух вокруг пряный, влажный, густой. Сколько раз уж видел и каждый раз, поверьте, дух захватывает.

Мы бродили со стариком по узким дорожкам, и он все время рассказывал про цветы и травы, про диковинные деревья и кусты, про древние давно вымершие растения, следы которых навеки отпечатались на камнях. И я совершенно забыл дурацкий повод, из-за которого пришел сюда, забыл я и про глупую записку, оставленную дома на кухонном столе, я забыл даже про тайну, которую сегодня вечером мне собирался открыть Клочик.

Глава 2. ТОВАРИЩИ, НЕЛЬЗЯ ЛИ ПОТИШЕ!

Честно говоря, никак не ожидал, что из-за какой-то записки поднимется столько шума. Не успел я вставить ключ в замочную скважину, как дверь резко распахнулась, едва не заехав мне по лбу.

— Так и убить можно, — сказал я. — Хорошо, что двери теперь из картона.

— И надо бы убить, — грозно сказала мама и, не дав мне войти, замахала перед моим носом обрывком ватмана, на котором желтым фломастером было крупно написано:

«УЕХАЛ В СУП-ТРОПИКИ»

— Что это за бред?! Тебе что, больше делать нечего?! Оставлять такие идиотские безграмотные записки?! Решил на недельку в Сочи съездить, отдохнуть от родителей?

— Я же говорил, что это несерьезно, — слышался из комнаты папин голос. — Человек, который поехал в СУП-тропики, далеко не уедет.

— Ты говорил... — раздраженно повторила мама, пропуская меня в квартиру. — Кто может знать, что взбредет этому бездельнику в голову!

В комнате был ужасный кавардак. Папа работал дома. На обеденном столе, выдвинутом на середину комнаты, лежал большой прямоугольный стенд, обклеенный белым ватманом. На нем красной темперой был написан заголовок: ДИНА-

МИКА РОСТА НАДОЕВ ОТ КАЖДОЙ КОРОВЫ СОВХОЗА «ЛУЧ». Рядом с заголовком была нарисована толстая добродушная корова. В зубах она держала голубой василек.

Папа у меня работает художником-оформителем на катушечной фабрике. Он пишет плакаты, социальности, клеймит прогульщиков и бракоделов, оформляет библиотеку, а иногда, случается, и забор красит. Однажды, когда папа тащил из мастерской огромный плакат с надписью «ПРИВЕТ УЧАСТНИКАМ КОНКУРСА ДЕРЕВООБРАБОТЧИКОВ!», тот упал ему на ногу, и папе выписали больничный лист. С тех пор мама стала звать его «передвижником» и еще больше невзлюбила его работу. «Художники, — говорит она, — картины пишут, или, на худой конец, витрины в гастрономах украшают. А «НЕ КУРИТЬ» по линейке и Алешка написать сможет. Если, конечно, с грамматикой справится». Наша мама работает в аптеке. У нее серьезная профессия — фармацевт, и она очень надеется, что папа наконец одумается и найдет себе настоящую, «мужскую» работу. Каких только идей у нее не возникает! То она предлагает папе пойти на курсы машинистов башенных кранов, то советует устроиться на железную дорогу или докером в морской порт. Папа обычно отмалчивается, будто не слышит. Но иногда вдруг взрывается. «Может, мне на мясокомбинат забойщиком скота пойти? — говорит он. — Или на курсы ассенизаторов? Нет уж, увольте. Я, по крайней мере, людей порожками и таблетками не травлю». «Дикарь», — говорит мама, и потом они неделю не разговаривают. Иногда папа берет заказы от какой-нибудь жилконторы или клуба, а то и от пригородного совхоза. Тогда вечерами он работает дома.

Мама решительно направилась вглубь комнаты к окну, у которого стояла гладильная доска, и яростно принялась разглаживать мои трусы. На краю доски лежал мой дневник. Уж не знаю, почему так происходит, но если в комнате стоит раскрытая гладильная доска — жди головомойки. Или, если хотите, наоборот: раз начался скандал — мама тут же за утюг хватается, гладить начинает.

Я уже хотел потихоньку улизнуть в свою комнату, но мама не оборачиваясь, сказала:

— Где ты был?

— Так я написал, где был, — невинно сказал я.

— Не болтай чепухи!

— Да честно говорю, я в субтропиках был. В Ботаническом саду. Там даже тропики есть.

Мама отставила утюг и села на стул.

— Потрясающе! — шепотом сказала она. — Просто невозможно представить, до чего может довести человека безделье! Посреди трудовой рабочей недели, когда дневник полон двоек и замечаний, он идет в Ботанический сад! А почему бы тебе не сходить еще на выставку крупнопанельного строительства или в музей железнодорожного транспорта?

— А где он находится? — с интересом спросил я.

Но мама, не обратив внимания на мои слова, схватила дневник и, открыв его, протянула мне.

— Что здесь написано?

На полях дневника красными чернилами было написано: «Ваш сын ловит мух на уроке русского языка».

— Я вся краской залилась, когда прочла это. Дурачок мой сын, что ли? Слабоумный? Ловит мух на уроке! — мама схватилась за голову.

— Да никаких мух я не ловил, — сказал я. — Там моль летала. Я еще удивился: откуда, думаю, в школе моль? Ну и хлопнул ее. Она ведь шерсть пожирает. А Валентина сразу — дневник на стол... Мама замахала руками.

— Замолчи! А двойку по математике ты когда собираешься исправлять?

— Вспомнила! Я давно ее исправил, на той неделе еще. Просто дневник я тогда забыл, а в журнале уже четверка стоит. Факт.

— А по географии?

— Так меня не вызывают, что я, виноват? Я тяну руку, тяну...

— Брось! Так я тебе и поверила! Руку он тянет! Жилы ты мне тянешь, это факт.

— Товарищи, нельзя ли потише! — вскипел папа. — Я из-за вас «НАДУИ» вместо «НАДОИ» написал!

— Ну, конечно, тебя поведение этого лодыря не интересует, — сказала мама. — У тебя творческий порыв. Молчи уж, передвижник!

— Горит что-то, — сказал я.

— Господи, мой халат!

Мама рванула с доски утюг, не удержала, утюг полетел на пол и врезался в стеклянную банку с гуашью. Гуашь зашипела, папа выронил кисть, и на корове расплылось зеленое пятно.

В этот момент в окне за стеклом возник призрак. Он тарачил глаза, шевелил губами и вдруг моментально исчез, словно провалился.

Глава 3. КЛОЧИК

Если зимой на улице в двадцатиградусный мороз вы встретите человека без шапки и в домашних тапочках, читающего на ходу «Остров сокровищ», то можете не сомневаться — это Витя Клочиков. Стреляйте в этот момент над его головой дуплетом из двустволки или, если хотите, превратитесь в кенгуру и прыгайте перед его носом на задних лапах — он не обратит внимания. Если в кино на комедийном фильме ваш сосед хохочет так, что у вас как в самолете закладывает уши, а он еще и норовит шлепнуть вас по колену или пихнуть локтем в бок — значит опять вы встретили моего друга Клочика. Клочик не знает и не понимает, как можно что-то делать или чувствовать вполсилы, спокойно или равнодушно. Увидев на улице лоток с мороженым, он не представляет, что можно съесть меньше трех порций — ведь вкусно! А если по телеэкрану бродит бездомная собака, голодная и одинокая, то даже слезы могут запросто побежать по Клочиковым щекам. И он их совершенно не замечает. Он их просто не замечает.

В том, что голова Клочика появилась в нашем окне, ничего фантастического или сверхъестественного не было. Мы живем на первом этаже

или, как говорит мама, у нас бельэтаж. И если поставить пару ящиков, залезть на них и встать на цыпочки, то как раз голова и будет торчать в окне.

Клочик сидел под окном на опрокинутых ящиках и потирал ушибленную ногу.

— Рухнул я, — сообщил он. — Ящик ломаный.. Ну как, крепко тебе выпали? Я три раза заходил. Где ты пропадал?

— В Ботаническом саду, — сказал я.

— В Ботаническом? Здорово! Ни разу не был. Бананы там есть?

— Не видел.

— Ух, как я бананы люблю! Могу тонну сразу съесть. А баобаб?

— Что баобаб?

— Растет? У меня дядя в Африке был — такие, говорит, баобабы видел! Из них, кажется, резину делают. Или нет, резину из каучукового дерева. А из баобабов — джонки. Или эти, пироги, что ли. А зачем ты в Ботанический пошел?

— Да так, — сказал я. — Прогуляться.

Мне хотелось рассказать Клочичу и о встрече со стариком, и о рододендронах, и о писателе Достоевском; сказать, что красота спасет мир. Но я чувствовал, что у меня не получится, что выйдет скучно и неинтересно, и Клочик не поймет.

— Ладно, — сказал Клочик, — пошли на Неву. Там все и скажу.

— Тайну, что ли?

— Ну.

— А зачем на Неву?

— Не торчать же под твоими окнами. А в садике грязь по колено.

Нева почти совсем освободилась ото льда. Но в залив еще плыли потемневшие черные льдины, а с воды тянуло свежим весенним холодом. Бронзовый адмирал Крузенштерн, опустив голову, строго посматривал на нас со своего гранитного постамента. Сырой балтийский ветер дул ему в спину, и Иван Федорович, поживаясь, скрестил на груди руки.

— Выкладывай, — сказал я, присев на гранитный парапет.

Клочик расстегнул молнию на куртке, вынул из кармана какую-то фотографию.

— Вот, — сказал он.

Фотография была темная и мутная. Можно было только разглядеть, что на ней изображен человек не то с портфелем, не то с сумкой.

— Я всегда говорил, что ты не умеешь фотографировать, — сказал я. — И тайны тут никакой нет.

— Она, — сказал Клочик.

— Кто «она»? — не понял я.

— Гречанка.

— Борожева, что ли?

— Угу.

— Ну и что?

— И то. — Клочик посмотрел на адмирала, словно спрашивая его, говорить дальше или нет.

— Да что ты резину-то тянешь, баобаб! — закипятился я. — Начал говорить, так говори.

— Я — это... Мне кажется... В общем, она мне нравится.

— Влюбился, что ли? Так бы и говорил.

Клочик даже вздрогнул от моих слов и снова посмотрел на бронзового флотоводца, будто испугался, что тот может услышать.

Ленка Ворожева училась в нашем классе всего третий месяц. До этого она вместе с родителями два года жила в Греции, где ее отец строил плотину. Там, во время рытья котлована Ленка нашла какой-то древнегреческий горшок. Горшок оказался очень ценным, и про Ленку даже напечатали в греческой газете, поместив ее фотографию с горшком в руках. А потом заметку перепечатали в газете «Пионер Востока». Только вместо Ворожева написали Коржикова. Ошиблись, наверное, когда с греческого переводили. Но заметка была. Факт.

Вот в эту знаменитость и влюбился мой Клочик. Я уж было хотел пошутить и сказать что-нибудь смешное, например, любовь зла, полюбишь и козла, но, взглянув на Клочика, сказал:

— Знаешь, если честно, она мне тоже нравится.

— Тебе?! — Клочик даже подпрыгнул. — Вот здорово! Бывают же в жизни совпадения!

Казалось, он даже обрадовался моим словам, и меня это, по правде сказать, удивило. Как-никак, но я вроде бы становился его соперником. Но такой уж Клочик человек. У него все шиворот-навыворот. Однажды у нас в школе выступал математик-феномен. Он запросто в уме перемножал четырехзначные числа, сходу запоминал тридцать быстро произнесенных цифр и шутя извлекал кубические корни. Еще он мог моментально прочесть любое слово или даже предложение наоборот. Скажете вы, к примеру: «Как ныне собирается вещей Олег». А феномен тут же: «гело йищев ястеарибс енын как». Мы все разинув рты сидели. Только Клочик толкал всех в бок, мешая удивиться, и шептал: «Вы только посмотрите, какие у него уши! Ну точно как морские раковины. И такие же розовые!» Потом, когда кто-нибудь вспоминал про феномена, Клочик тут же говорил: «Да, уши у него потрясающие, ничего не скажешь».

Я прыгнул с парапета и, посмотрев на проходивший буксир, сказал:

— А знаешь, зачем я в Ботанический ходил? Субтропики хотел посмотреть. А то Ленка все время твердит: «До чего же у вас холодно и сыро. И почему Ленинград не субтропики. Как в Греции». Схожу, думаю, узнаю, что за субтропики такие.

— Правильно сделал, — сказал Клочик. — Я тоже схожу. Жаль, конечно, что бананы там не растут. А теперь скажи мне: как ты относишься к трубе?

— К трубе? К какой еще трубе?

— Не к печной же. К музыкальной, конечно.

— Положительно отношусь. А что?

— Понимаешь, раз ты говоришь, что я влюбился...

— Как это я? Это ты говоришь, что ты влюбился.

— Ну, неважно. Так вот. Раз такая история. Завтра идем записываться в духовой оркестр.

Надо научиться играть на трубе. У нас в Доме пионеров такой кружок есть, я узнавал.

— Оригинально мыслишь, — сказал я. — А почему бы не переплыть Атлантический океан в корыте? Или еще лучше, вскарабкаться на Казбек на ходулях.

— Потом будешь острить, — сказал Клочик. — Ты просто не понимаешь, что такое музыка. Это ж колоссальная вещь! Другой раз смотришь какое-нибудь кино. И вдруг как музыка трагическая заиграет, так сразу тебе ясно, что дело дрянь, убьют кого-нибудь. Или там вулкан начнет извергаться. А то и наоборот — заиграла веселая музыка, значит, конец хороший, все живы-здоровы. И все, понимаешь, сказано без слов, одними звуками!

— Ну и что?

— Как что?! Раз у человека чувство, он должен играть на трубе! Неужели неясно? Во Франции в старину даже люди такие были — трубадуры. Они ездили на лошадах и серенады на трубах играли. А духовой оркестр — это ж сила! Только представь...

Клочик взмахнул руками, и в ту же секунду гулко бухнул барабан, со звоном разлетелась тарелочная медь и, расколов сырую тишину набережной, грянули бравые звуки марша. Мы с изумлением повернули головы. Из ворот морского училища, печатая шаг, четкими рядами выходил военный оркестр. Яркие серебряные трубы горели на фоне черных бушлатов. Вслед за оркестром шли плотные шеренги курсантов.

Я посмотрел на обалдевшего от удивления Клочика, засмеялся и, хлопнув его по плечу, сказал:

— Ну, трубадур, ты даешь! Ладно уж, сходим завтра в этот твой духовой кружок. Раз у человека чувства, он должен играть на трубе.

Глава 4.

СЛЕДУЮЩИМ УТРОМ В ЧЕТВЕРГ

Обычно по утрам Клочик поджидает меня у витрины фотоателье, около своего дома. Иногда, правда, мне приходится подниматься к нему и чуть ли не за уши вытаскивать из квартиры. Чаще всего это случается в те дни, когда его мама рано уходит на работу, и Клочик вдруг вспоминает, что ему срочно надо заклеить велосипедную камеру или проявить фотопленку.

Вот и на этот раз Клочика на его обычном месте у витрины не было. Я подождал минутку и решительно поднялся на четвертый этаж.

— Кто там? — послышался за дверью голос Клочика.

— Японский император. Открывай живей!

— Не могу, — сказал Клочик.

— То есть как это, не можешь? Обалдел, что ли! Мы ж опоздаем.

— Заперли меня. Графиня опять дверь на старый замок закрыла.

— Ну так поищи ключ.

— Не нашел.

Графиней Клочик называл старушку-соседку

Клавдию Александровну Веревкину. Маленькая и сухая с тонкой, почти прозрачной кожей, с бледно-голубыми полинявшими глазами и совершенно белыми волосами, она и вправду походила на графиню из фильма «Пиковая дама». Каждый раз, когда Клавдия Александровна отпирала мне дверь в своем неизменном темно-синем платье с белым кружевным накрахмаленным воротничком, мне казалось, что вот сейчас она достанет перламутровый веер или лорнет и заговорит со мной по-французски. Ключика она называла Виктором и всегда дарила ему на Новый год открытку с Дедом Морозом и запонки, которые он отродясь не носил.

Когда Ключикова мама устраивала ему хорошую чистку мозгов за очередную двойку или замечание в дневнике, Клавдия Александровна приходила на помощь, говоря: «Нина Петровна, дорогая, ну разве можно так волноваться. Вспомните Песталоцци. Никакого насилия над личностью ребенка. Главное не образование, а нравственное воспитание». И Нина Петровна, вспоминая Песталоцци, успокаивалась.

Я подергал за ручку тяжелой старой двери, за которой томился мой друг, и сказал:

— Что ж, считай, тебе повезло. Встреча с японским императором отменяется. Я пошел в школу.

— Как это, пошел? — заволновался Ключик. — А я?

— А ты сиди, изучай Песталоцци. Или ложись спать.

— Да ты знаешь, что я вчера до двенадцати корпел! Математику всю сделал, стих даже выучил, за который в прошлый раз кол получил. Меня же по трем предметам спросить должны!

— Не расстраивайся. Твои глубокие знания пригодятся тебе в будущем. Кланяйся Графине!

Я повернулся и хотел было идти, но Ключик отчаянно закричал из-за двери:

— Леха, стой! Друг ты мне или не друг?

— Друг, — сказал я. — Но колоть дверь топором не буду.

— Да не надо ничего колоть. Сбегай поищи Графиню. Она или на Андреевском рынке петрушку покупает или в Румянцевском садике голубей кормит. Зуб даю!

— Я же в школу опоздаю.

— Да ничего. Ну, придем ко второму уроку, скажем, так, мол, и так, несчастный случай...

— Да, не ожидал от тебя такой тяги к знаниям. Вот ведь что любовь с людьми делает. Ладно. Сбегаю. Но учти: если я старуху не найду, придется взрывать дверь динамитом.

Найти человека на рынке дело сложное. Но я добросовестно прочесал пестрые шумные ряды и даже, как заправская хозяйка, спрашивал, почем картошка. Не найдя Графини, двинул на набережную к Румянцевскому саду. И вот там, в садике, меня ожидал первый сюрприз. На скамейке, окруженной голубями и воробьями, неторопливо разбрасывая хлебные крошки, сидела моя мама! Она рассеянно глядела вверх, на макушку Румянцева обелиска, где, растопырив крылья, торчал бронзовый орел. Моя мама посреди трудовой недели празднично сидела в садике и кормила голу-

бей! Это было невероятно! К тому же сколько раз собственными ушами я слышал, как мама, глядя на старушек, кормящих голубей, говорила: «И куда смотрит санэпидстанция. Разводят в городе заразу». Не зная, что подумать, я незамеченный выскочил из садика и дунул по набережной. Через триста метров меня ожидал сюрприз номер два. На спуске к Неве, между двумя египетскими сфинксами, стоял мой папа. Рядом с ним стояла какая-то женщина в светлоромановом плаще с капюшоном. Сначала я не обратил на нее внимания, а смотрел только на папу, удивляясь, почему он не на работе. Но когда папа взял женщину под руку, и они пошли по направлению к мосту Лейтенанта Шмидта, я понял, что они вместе. «Ну и что тут особенного? — почему-то сразу услужливо сказал я сам себе. — Ничего тут нет особенного. Встретил коллегу по работе. Бывает. А то, что он ее под руку взял, так культурные люди всегда женщину под руку берут, когда по улице идут. Нам об этом Сергей Сергеевич, наш историк, говорил». Но эти объяснения тут же показались мне ужасно глупыми. И вообще у меня было такое чувство, что я не объяснял себе, а бессовестно врал.

Не успел я хорошенько обо всем подумать, как мне на голову свалился сюрприз номер три. К трамвайной остановке с авоськой в руках подходила Ключикова соседка Клавдия Александровна Веревкина. Рядом с ней шла... Ленка Ворожева! Подкатил тридцать седьмой трамвай, они сели в него и уехали. В голове у меня образовался сквозняк, и я, ни о чем больше не думая, побежал к Ключику.

— Да, дела... — сказал Ключик из-за двери, выслушав мой отчет. — Откуда Ворожева знает Графиню?

— Это я у тебя хотел спросить, — ответил я.

— Понятия не имею, — сказал Ключик. — Тут какая-то тайна. Ну, а ключ ты взял?

— Нет, конечно. Они же сразу уехали. В общем, ты сиди, размышляй, а я пошел.

— погоди, — сказал Ключик из-за двери. — У меня идея. Раз уж мне не выбраться, я тебе сейчас свой портфель из окна спущу. Придешь в школу, покажешь мои тетрадки. Ведь там же все сделано! Ну, неужели я зря...

— Ладно, не ной. Спускай портфель.

Когда я вышел во двор, в воздухе уже качался портфель Ключика.

На второй урок я все-таки опоздал. Наверное, я произвел неплохой эффект, когда запыхавшись свалился в класс с двумя портфелями в руках.

— Вот, — сказал я и поставил портфель Ключика на стол учительницы. — Витя Ключиков.

Валентина Сергеевна схватилась за сердце:

— Боже, что с ним случилось?!

— Да вы не волнуйтесь, пожалуйста. Все в порядке. Он жив, только прийти не смог. Его Графиня на старый замок закрыла.

— Какая графиня, какой замок? Что ты несешь?!

— Ну, соседка его. Вот он свой портфель из окна и выбросил. То есть, не выбросил, а на веревочке спустил.

И я кое-как объяснил, что произошло. Без подробностей, конечно. Валентина Сергеевна успокоилась, села за стол и сухо сказала:

— Очень интересная история. Что ж, раз ты такой верный друг, то, пожалуйста, к доске. Будешь отвечать за двоих.

Но как можно собраться с мыслями после такого сумбурного утра?

Глава 5.

СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ

После уроков, злой и голодный, я направился к Ключику. Дверь мне открыла Клавдия Александровна. «Уже смылся, паразит, — подумал я. — Я портфель его проклятый таскаю, двойки из-за него получаю, а он...»

— Здравсьте, Клавдия Александровна, — рывкнул я. — А Вити разве нет?

— Дома, дома. Заходи, голубчик. Мы как раз тебя поджидаем, — заговорила Графиня. — Я ужасно перед вами виновата. Это ж надо — запереть Виктора в квартире! Какая чудовищная рассеянность. Ну, ничего, я обязательно пойду в школу и все объясню вашим педагогам.

Говоря это, она привела меня на кухню, где я увидел такую картину: за столом, уставленным чашками, банками с вареньем, тарелками с вафлями и сухарями сидел Ключик. Физиономия у него была такая довольная и счастливая, что, казалось, он сразу поглупел на пять лет. Напротив обалдевшего от счастья Ключика, ловко уплетая вишневое варенье, сидела Ленка Ворожева.

— Семеро с ложкой, один с сошкой! — сказал я, плюхнув портфель Ключика прямо ему под нос, чуть не опрокинув банку с вареньем.

— А, Леш, привет, — рассеянно ответил Ключик. Ну, конечно! Ему было не до меня!

— Садись, Алеша, садись, — засуетилась Клавдия Александровна. — Сейчас мы тебе — чайку. Варенье бери.

— Ленка, а ты чего не в школе? — спросил я. — Ну, этому трубадуру повезло — его заперли. А ты-то чего?

— А я болею, — вызывающе ответила Ленка, отправив в рот вишневую ягодку. — У меня ангина.

— А почему же ты с ангиной по улицам шагаешь?

— А у меня в легкой форме.

— Так ангина же заразная болезнь!

— Боишься — можешь уйти. Тебя никто не держит.

От такой наглости я даже дар речи потерял и только и смог, что посмотреть на Ключика. Но от него в тот момент проку было мало. Ключик сидел и млея, глядя Ленке в рот. Я уж и впрямь хотел уйти, но тут вмешалась графиня. Она поставила передо мной чай и заговорила:

— Алеша, голубчик, я надеюсь, у тебя не было неприятностей? Я никак не могу успокоиться.

— Ничего, обошлось, — зло сказал я.

— И тебе не поставили нотабену?

— Чего, чего не поставили?!

— Ах, прости, голубчик! — Клавдия Александровна всплеснула руками. — В последнее время у меня ужасно работает голова. Сегодня я даже трамвай назвала конкой. А нотабена — это раньше так в гимназиях называли замечание.

— Нет, не поставили, — сказал я. — Два шара вот по русскому зарисовали.

— Прости, что зарисовали?

— Ну, двойку поставили.

— Какой ужас! Нет, я обязательно пойду к вашим педагогам и все-все объясню. Неужели в теперешних школах не понимают, что важны не баллы и не спряжение латинских глаголов, а важно...

— Нравственное воспитание, — вставил я. — Нет, они этого не понимают. Куда им. У меня даже есть подозрение, что они не знают, что такое Песталоцци.

— Кто такой, — поправила меня Графиня.

— Вот именно, — сказал я. — Да вы, Клавдия Александровна, не волнуйтесь. Перебьемся. Виктор меня на буксир возьмет. Вы его только почаще запирайте. Он тут романсы сочинять начнет. Из жизни трубадуrows.

Но Ключик на мои иронические слова — ноль внимания. Он видел перед собой только Ворожеву. А Ленка вдруг повернулась ко мне и, глядя на меня своими глазами, сказала:

— Мне кажется, Нечаев, что почаще запирать надо тебя. Уж больно ты злой.

Честное слово, если б Ленка не была девчонкой, я бы в тот момент встал и дал бы ей по башке.

А Ключик, видно, почувствовав мое настроение, вдруг встрепенулся и закричал:

— Идея! Гениальная идея! Сейчас я вас всех сфотографирую! Это будет исторический кадр!

— Прекрасная мысль, — подхватила Клавдия Александровна. — Вы не представляете, как я любила в молодости фотографироваться. Конечно, в то время это было целое событие. К нему готовились как к празднику. Но Виктор, что же ты заранее не предупредил? Я ведь совсем не подготовилась!

— Мне тоже нужно причесаться, — сказала Ленка и удалилась вместе с Графиней.

— Не забудь выщипать брови! — крикнул я ей вдогонку.

— Леха, ну чего ты все время к Ленке придираешься? — насупившись, сказал Ключик.

— Молчи уж, трубадур, — ответил я. — И вообще, я гляжу, любовь плохо подействовала на твои умственные способности. А лично я в духовой кружок записываться не пойду. Могу, конечно, с тобой сходить. Для моральной поддержки.

— Жаль, — вздохнул Ключик. — Я хотел вместе.

Станный все-таки человек. Другой бы радовался, что так легко от соперника отделался. А он жалеет. О чем?

Потом Ключик нас фотографировал, истратив, наверное, целую пленку. Клавдия Александровна страшно развеселилась, все время повторяя: «Ах, Виктор, я даже не подозревала, что ты такой

замечательный фотограф!» «Замечательный фотограф» так вошел в раж, что даже свалился с табуретки, когда хотел найти неожиданный ракурс. На этом фотосъемки закончились. И тогда Клавдия Александровна сказала:

— А сейчас я вам кое-что покажу.

Она вынесла из комнаты большую толстую книгу в кожаном переплете, которая наподобие шкатулки запиралась двумя медными застежками.

— Это наш семейный альбом.

Не знаю, как вам, а мне ужасно нравится смотреть семейные альбомы. Например, наш альбом я знаю наизусть. Есть там фотография, где моему папе одиннадцать лет. На голове у него большущая шапка-ушанка, одно ухо которой смешно оттопырено в сторону, а из расстегнутого пальто торчит книга под названием «Родная речь». Когда я гляжу на эту фотографию, мне все время кажется, что сейчас папа сдернет с головы шапку и запыхавшись скажет: «Леха, дай русский скатать». И я бы ему обязательно дал. Если бы сам сделал.

С пожелтевших фотографий графининового альбома на нас глядели строгие бородатые мужчины, дамы в длинных темных платьях, суровые седобородые старцы, чем-то походившие на известный портрет писателя Льва Толстого. Все они точно смотрели в объектив аппарата и были очень серьезны.

Когда мы дошли до середины альбома, Ленка вдруг ткнула пальцем в фотографию какого-то молодого человека с острыми усиками и гладкой короткой прической:

— Ой, Клавдия Александровна, кто это?!

— Да так, один старый знакомый, — смутилась почему-то графиня.

— Но ведь это... — начала было Ленка и вдруг запнулась.

— Посмотрите лучше, какой смешной я была в день выпуска из гимназии, — сказала Клавдия Александровна и быстро перевернула страницу.

Когда мы распрощались со старушкой и вышли на улицу, я сказал:

— Виктор, ты можешь проводить даму. Она покажет тебе древнегреческий горшок. А я домой.

— Алеша, ты ведь прекрасно знаешь, что я нашла амфору, — тихо сказала Ленка. — Объясни, почему тебе сегодня все время хочется грубить? Что-нибудь случилось?

Честно говоря, я растерялся от этих слов и промямлил что-то невразумительное. А Ленка сказала:

— Ребята, знаете, чью фотографию я видела в альбоме? Моего деда. Представляете?!

— Твоего деда? — удивился Клочик. — Но откуда она у нее?

— Понятия не имею. Может быть, я ошиблась? Вот что: давайте сейчас зайдем ко мне.

— Да, тут какая-то тайна, — второй раз за сегодняшний день изрек Клочик и посмотрел на Ленку коровьими глазами.

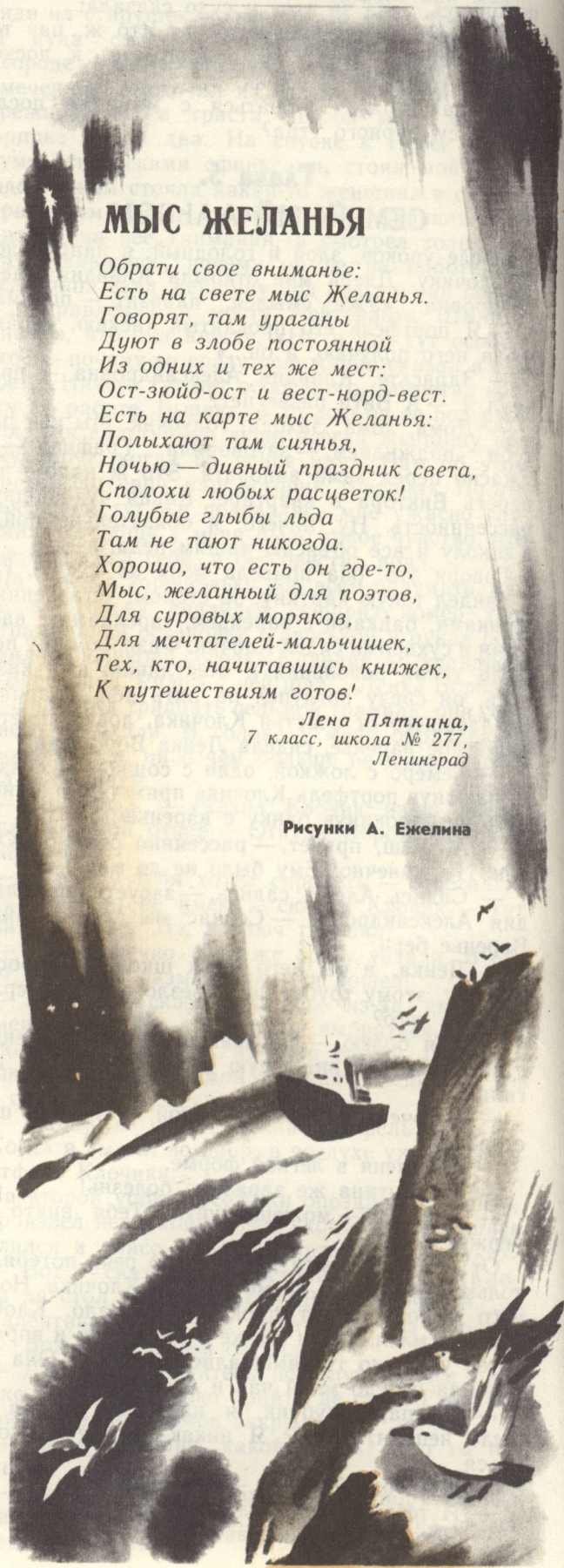
СТИХИ ТВОИХ РОВЕСНИКОВ

МЫС ЖЕЛАНЬЯ

*Обрати свое вниманье:
Есть на свете мыс Желанья.
Говорят, там ураганы
Дуют в злобе постоянной
Из одних и тех же мест:
Ост-зюйд-ост и вест-норд-вест.
Есть на карте мыс Желанья:
Полыхают там сиянья,
Ночью — дивный праздник света,
Сполохи любых расцветок!
Голубые глыбы льда
Там не тают никогда.
Хорошо, что есть он где-то,
Мыс, желанный для поэтов,
Для суровых моряков,
Для мечтателей-мальчишек,
Тех, кто, начитавшись книжек,
К путешествиям готов!*

*Лена Пяткина,
7 класс, школа № 277,
Ленинград*

Рисунки А. Ежелиной

Продолжение следует

ОТКРОВЕННЫЙ РАЗГОВОР

«...Правда ли, что есть люди, которые выбрали себе цель в жизни еще в детстве, и всегда оставались этой цели верны?»

«У нас в доме все без конца покупают вещи, и очень гордятся, если у них лучше, дороже спальный гарнитур или автомашина...»

Такие письма приходят в редакцию «Костра» часто. Некоторые из них мы показали Юрию Андрееву, автору книги «Откровенный разговор»*, и задали писателю несколько вопросов:

— Юрий Андреевич, как появился у вас замысел этой книги?

— Мне подсказал его старший сын, вернее, мои разговоры с ним. Мы всегда были откровенны и ничего не скрывали друг от друга. Некоторые беседы я записал, а потом подумал, что они могут быть интересны и другим ребятам.

— Какие из этих бесед вы считаете самыми важными, самыми главными?

— Самый главный вопрос, с которого и начались мои беседы с сыном, следующий: кем быть, какую выбрать дорогу в жизни?

Многие школьники играют в шахматы. Так вот, считается, что шахматы очень похожи на человеческую жизнь. В них есть правила, есть движение, есть удачи и ошибки. Одна фигура ценнее другой, одна позиция выгоднее, чем другая. Но есть в шахматах основное правило: защищай своего короля. При полной доске фигур можно получить мат, и к чему тогда все твои фигуры? Для чего ты сберег их так много, а не отстоял одну фигуру — самую важную...

— Вы хотите сказать, что в жизни тоже необходимо определить своего «короля», то есть главную цель?

— Да. Определи и знай, что

все остальные ценности не стоят этого главного. Только этой цели будь верен, только к ней стремись... Так, как стремился к ней лесничий из города Волхова Петр Антипов.

Мальчишкой он решил стать лесником. Но пришла война, и Петр Антипов надел солдатскую шинель. Он был в танковом взводе. Ранен, горел в танке, фашисты стреляли в него в упор. Попал в госпиталь, ему ампутировали и руки, и ноги... Но он нашел в себе силы жить. Окончил Тихвинский лесотехнический техникум, получил диплом с отличием. Со временем стал инженером. Сейчас Петр Антипов — Герой Социалистического Труда, заслуженный лесовод РСФСР, редкий специалист в своей области...

— Да, но это исключительный случай. А в обычной, мирной жизни очень часто цель помогают выбирать родители, когда сыновья учатся у отцов. Так возникают рабочие династии, семьи потомственных хлеборобов... Но если все же цель пока не ясна? Как ее определить?

— Видимо, у каждого человека есть своя внутренняя программа. Мы называем ее по-разному — склонностью, призванием... Один любит мастерить поделки из дерева и металла, другой увлекается радиотехникой, третий хорошо рисует, четвертый пишет стихи...

— Но ведь стихи пишут миллионы ребят, а поэтами становятся единицы. Киноактрисами хотят стать миллионы девочек, а становятся ими — немногие... Значит, цель не достигнута!

— Не совсем так. Это была неверно выбранная цель. Может быть, эти девочки стали бы прекрасными модельерами, хорошими учителями... Главное — вовремя понять, что это — не твое. Бессмысленно стремиться к тому, к чему нет способностей.

— А как быть тем, кто, закончив школу, еще не знает твердо, чего он хочет. Куда им

податься, на что направить свои силы?

— Таких ребят немало. Некоторые, недолго думая, поступают в первое попавшееся училище, вуз, где поменьше конкурс. И учатся — без желания, без призвания. А в итоге — плохие рабочие, инженеры, педагоги... Над выбором профессии надо задуматься заранее.

— Вернемся к разговору о цели. Цели ведь разные бывают: и благородные, и, прямо скажем, не очень...

— Конечно, целью своей жизни можно сделать низкие, корыстные устремления. Скажем, потребление. Жизнь ради вещей. Автомашина, дубленка, импортный гарнитур, магнитофон-кассетник...

— Но разве плохо, если человек хорошо одет? Или когда у него хороший магнитофон?

— И хорошо одеваться — хорошо, и хороший магнитофон лучше плохого. Плохо другое. У человека, который только и думает о вещах, вырабатывается своя иерархия ценностей, свое отношение к миру и людям — потребительское. Такой человек не может быть бескорыстным. Я тебе японскую куртку, ты мне — американские джинсы. Я тебе путевку в санаторий, ты мне устройшь дочь в институт. Это бездуховная, бессмысленная жизнь, и она ждет всякого, кто избрал целью своей жизни вещи, тряпки!

— Как вы считаете, Юрий Андреевич, могут ли такие люди быть счастливы?

— Увы, могут. Только это личное, эгоистическое счастье. Подлинное человеческое счастье возможно лишь в том случае, когда твои жизненные стремления, твои цели совпадают со стремлениями нашего общества. Другими словами — когда ты приносишь пользу окружающим тебя людям. Если это так — ты правильно выбрал цель своей жизни...

Беседу вели

М. ВЕРХОВСКАЯ и А. ЯКОВЛЕВ

* Ю. Андреев. Откровенный разговор. Л.; Детская литература, 1981 г.

«Спасибо тебе, пионер!»
 «Спасибо тебе, пионер!»
 «Спасибо тебе, пионер!»
 «Спасибо тебе, пионер!»

Сашот - делегатам!

— На открытии слета я, **Максим Сибирцев**, выступал от имени пионеров Москвы. Здорова волновался. Все думал, как начать выступление. И как-то, само собой, получилось: «Ребята, — говорю, — вы знаете, как все нас любят и уважают. Мне посчастливилось быть среди тех, кто приветствовал XXVI съезд Коммунистической партии. Когда мы пришли на съезд, все делегаты встали и долго нам аплодировали». И вот как только я это сказал, смотрю: все делегаты нашего слета встают и начинают аплодировать. Потом сказал, что пионеры Москвы пред-

лагают начать Поход бережливых. Ведь это очень важно — научиться с детства беречь народное добро.
 А в конце выступления рассказал о нашей пионерской дружине и своем увлечении шахматами. Как сделал ничью с чемпионом мира и многих ребят научил играть в шахматы. Я считаю так: если умеешь — научи товарища. Уметь только для себя — это не только нашему, не по-пионерски!
 — Меня зовут **Саша Шумарев**. Я — председатель совета дружины школы № 32 города Рыбинска. Награжден медалью «Миллион — Родине!»

Биография Турсуной Ахуновой известна многим. В юности она мечтала стать комбайнером. А родственники дружно отговаривали: «Не женское это дело — на комбайне должны работать мужчины!» Но Турсуной не отступила и всем доказала свою правоту. Теперь Турсуной Ахунова — одна из лучших хлопкоробов страны, Героиней Социалистического Труда, руководитель школы механизаторов.

— А я — **Вова Ларионов**. В школе учусь хорошо. Особенно люблю биологию. Недавно закончил свою первую работу: «Фауна окрестностей села Хаптагай Якутской АССР». Это мое родное село. Каждое лето провожу в лагере труда и отдыха «Юность». Там очень интересно. Нашим овощеводским звеном руководит Екатерина Ивановна Новгородова — Героиней Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР.

— Я из Новосибирска, **Женя Шабалин**. Когда вырасту, буду геологом. За участие в сибирской геологической олимпиаде получил медаль «Юный участник ВДНХ».

— Я **Лариса Бакулова** — делегат Яранской средней школы Кировской области. Выбирая делегата на Слет, ребята сказали: что я — зачинатель всех добрых дел в отряде. Конечно, мне хотелось поехать в Москву, но я сказала: «Это — неправильно! Что бы я могла сделать одна — один в поле не воин!» Тогда говорят: «Пошлем тебя как директора школьного музея имени Мицкевича».

Очень интересной была встреча в Министерстве сельского хозяйства СССР. Выслушав наш рапорт, Анатолий Александрович Поморцев, заместитель министра, сказал, что рапорт ему понравился, но самое главное все-таки не цифры. «Самое главное, — сказал Алексей Александрович, — какие вы, наша смена!» Запомнил его слова: «Что такое сельское хозяйство? Это содружество живой природы с мудростью и трудолюбием человека. Оно требует всего сердца, всей души! И не имеет ничего общего с неискренностью и нечестностью».

Беседу с ним, мы рассказывали, как помогаем сельским труженикам, советовать, задавали вопросы. Я спросила: «Почему у нас, в Николаевской области, мало училищ для мастеров машинного доения?» И тогда заместитель министра ответил: «Спасибо за подсказку. Такое положение надо срочно исправить. Мастера машинного доения нам очень нужны».

*Таяя Луценко,
делегат Николаевской области
Украинской ССР*

Как было на слете? Шухрат Халдаров, Давлят Ахматжанов и я считаем: хорошо было. Очень даже хорошо. А от хорошего настроения сердцу петь хочется. И, знаете, какой был случай? Вечером надо было идти в Музыкальный театр. И мы взяли свои инструменты и пошли. По дороге стали петь и играть: Шухрат и Давлят — на дойрах, а я — на торе. Навстречу идут люди. Один человек говорит: «О чем поете?» Мы говорим: «О Москве поем». Потом другой спрашивает: «О чем у вас песня?» Отвечаем: «О нашем слете». А потом еще другой человек говорит: «Как называется ваша песня?» Мы сказали: «Ферганская долина».

И так, до самого театра, нас все спрашивали и спрашивали, а сердце все пело и пело.

*Равшан Зундунов,
поселок Кирова
Ферганской области*

ВОДА. ЗЕМЛЯ. ВОЗДУХ.

Анатолий СТЕРЛИКОВ

Рисунки А. Голованова

СЛЕД ОТ ПЛУГА

...Крутогорье. Берега еще более увалистые.

Иван Федорович, взглянув на лист раскрытой лоции Волхова, сказал нам с инспектором Моисейцевым: «Бор. До нулевого бакена километров пятьдесят». А Моисейцев что-то высматривает в бинокль. Вдруг он поворачивается ко мне, протягивает бинокль.

— И тут непорядок. Узнать бы, кто тут пахал...

Я внимательно разглядываю в бинокль пахоту и решительно не вижу никакого безобразия. Поле как поле. Даже огрехов не видно.

Помолчав, инспектор замечает:

— Пахота придвинута к самому урезу. Хотя она не должна приближаться к берегу ближе чем на километр. Но что особенно плохо, бороздки прямо к реке тянутся. А это уж совсем никуда не годится. По этим бороздкам дождевые и талые воды в реку смывают удобрения и ядохимикаты,

внесенные в почву. Да заодно и почву. И все идет в лещевые заливчики, в зимовальные судачьи ямы. Тут вред и рыбному хозяйству, и сельскому. Борозды — готовые русла для ручьев. Со временем они могут превратиться в овраги. Так что при такой пахоте почву с этих холмов может смыть лет за пятнадцать-двадцать...

— Да неужто механизаторы не знают, как пахать без ущерба земле, природе?

— Представьте себе, некоторые не знают. На поля Нечерноземья теперь приходит много молодежи. Это вчерашние школьники, выпускники ПТУ. Технику они освоили досконально, любят ее. Этим ребятам доверяют даже «Кировцы». Но, к сожалению, не многие из них представляют, какую опасность таит в себе могучий «Кировец» для окружающей среды. Раньше двадцатисильный трактор «Универсал» двигался со скоростью пешехода и след его был не глубже тележного колеса. А теперь?! Дороги, по которым громыха-

ют современные трактора, превращаются в настоящие траншеи, которые по весне становятся реками, а летом — превращаются в овраги.

Современная техника позволяет успешно преобразовать природу, но она же ранит и калечит ее, если человек беспечно относится к своему делу и если он в экологии* круглый невежда. Вот как здесь. Не знаю, почему так вспахали склоны. Видно, тракторист не усвоил правил пахоты. А, может, он просто нерадивый человек. Иному не хочется волочить плуги по косоугору: тут ведь умение необходимо, осторожность требуется. Куда как проще и безопаснее гонять машину с тяжелым прицепом вверх-вниз по скату.

Что ж, видимо, инспектор прав. В области экологии мы еще круглые невежды, а природу чаще всего любим только на словах.

Мы холим машины и двига-

* Экология — наука о взаимоотношении организмов между собой и окружающей средой.

тели, потакаем их капризам, снисходительны к их недостаткам. Но порой с небрежением относимся к земле, к речушкам и лужайкам.

И все дело, наверное, в том, что двигатель, если нарушить инструкцию по эксплуатации, чихнет пару раз, взвоет надсадно и замолкнет. И машина не поедет, и трактор не выкопает траншею... Иди пешком, тащи груз на себе. Бери лопату, кидай землю до седьмого пота. А земля-матушка — она ведь молчит. Как бы ей плохо ни было, она терпит наше невежество, прощает нам нашу безалаберность. Но прощает ли? Ведь без речушек и лужаек, если они вдруг исчезнут, мы и дня не сможем прожить.

Так что, если хотите, чтобы поля не оскудели, то вам придется много и упорно учиться. Учиться за баранкой «Кировца», в кабине большегрузного автомобиля, на мостике комбайна. Учиться и в кресле директора завода...

Что касается борозд от пахоты, то люди уже нашли выход. В некоторых районах земледельцы отказались от плуга, заменив его плоскорезом. Но, к сожалению, еще не везде доверяют плоскорезам. Как-то

непривычно, если за трактором не видно вывороченной земли, нет глубоких борозд.

ТЕКУЧИЕ ДОРОГИ ПУСТЫНИ

...На лошадях рысим по дороге, которая накатана по дну огромной песчаной реки в межбарханье. Корабай едет, свесившись с седла. По песчаным «брызгам» он пытается определить, в какую сторону прошла машина.

— «ГАЗ-66» прошел в сторону Старого Бекназара. Что ему там нужно? — задает вопросы Корабай. — Эта дорога старая, здесь давно уже никто не ездит. Зачем он здесь поехал?

Корабай встревожен не на шутку, то и дело понукает жеребца. Видно, решил догнать машину, что возможно. Вездеход, натужно завывая, ползет по песчаной дороге межгрядья, а мы режем напрямик.

Вдруг Корабай поднял камчу. Знак. Мол, оставайся на месте. Сам же он, выбравшись на гребень, спешился за кустом жузгуна. Извлек из чехла бинокль, следит за вездеходом, ползущим по дну песчаной реки. Потом в блокнотике записал номер машины.

Так уж вышло, что маршрут моего путешествия пересекает урочище, где живет Корабай, остроглазый страж сих пустынных пространств. Неподалеку от стен его жилища, на высоком лысом бархане с выдутым боком, стоит пограничный знак. Он ничем не отличается от тех, которые попадались нам на пути: холмик, а над ним стальной угольник с надписями. На этой, отнюдь не условной границе, нет ни колючей проволоки, ни КСП — контрольно-следовой полосы. Туриста здесь не задержит ни патруль, ни разъезд. Эта граница для чабанов.

Граница — не прихоть администраторов, а суровая необходимость. Скота нынче в песках много, и поэтому здесь практически нет «ничейных» урочищ. Муюнкумы, как лакомый пирог, тщательно поделены между районами и хозяйствами. Возле корабаевского зимовища как раз проходит граница — между Меркенским и Луговским районами. Есть и «пограничники», сторожа. Корабай как раз один из таких.

Минут через пять он махнул мне камчой, позвал.

— Все в порядке, — Корабай снял фуражку, вытер плат-

ком бритую голову. — Там зимовка, — Корабай указал на желтый свод кошары и стог сена. — Там вода очень хорошая. Чистая и вкусная, как айран. Шофер набрал воды и поехал в Саргобы. А вообще теперь из Умбете в Саргобы ездят по другой дороге. Новую накатали. А через Старый Бекназар перестали ездить.

— Новая — короче?

— Я бы не сказал. Но тут песок стал очень тяжелым. Кое-где на дороге целые барханы образовались. Сначала здесь кругом терескен и жузгун рос, а потом колеса землю поистолкли, перемололи и песок тяжелым стал. Даже везду ходу трудно. Новая дорога тоже такой станет. Тогда придется накатать еще одну... Где тогда пасти барашек зимой и осенью?

Мне очень запали в душу слова старого Корабая.

Нынче человек пустыню обживает и осваивает иначе, чем, скажем, пятьдесят лет назад. Среди тяжелой зыби песчаных валов скорее можно увидеть «Кировец» или вездеход, нежели верблюда.

Современный транспорт облегчает жизнь чабанам: юрты с пожитками можно перевезти на новое место быстрее и снабжение самых отдаленных и глухих урочищ водой, кормами, товарами, книгами и газетами стало лучше.

Но надвигается новая беда. В песках стало слишком много зимовок, вокруг которых колеса тракторов и машин, а также и овечьи копыта подчистую уничтожили растительность. Колеса «Кировцев» и вездеходов надрезают барханы, легко ломают и саксаул, и терескен, и жузгун; и Муюнкумы истекают песком. По дорогам, по этим бесконечно длинным желобам, перемещаются сотни и тысячи тонн песка. Барханы лысеют.

Разумеется, пустыню нужно осваивать. Но как? Вот вопрос. А может, и тут надо вводить какие-то ограничения на передвижение, скажем, запретить проезд по урочищам с ценными или редкими травами тяже-

ловесных машин. Во многих областях нашей страны ввели такие ограничения для тяжеловесного транспорта в распутицу.

Но на одних ограничениях далеко ли уедешь? Нужны принципиально новые технические решения.

Чтобы не ранить пустыню, видимо, нужны такие машины, которые бы не оказывали большого давления на почву, не разрушали бы ее структуру, не уничтожали и растительность. Не знаю, что тут может быть. Широкие колеса? Но ведь ширина колес и ныне достаточно велика. А что если летать над пустынными пастбищами? Создавать такие транспортные средства, которые бы могли и по асфальту двигаться и перемещаться на воздушной подушке.

...Рассуждая о том, о сем, трусим по долине. Из-за песчаного мыса, прикрывающего долину, выползают деревья. Вокруг черных сучьев клубится дымка свежей зелени.

Это туранга.

Да, тополь евфратский, он же — тополь разнолистный. Или же — туранга. Тот, кто видел осину, может себе представить и турангу. На ветвях туранги листья такие же, как у осины, они все время дрожат. Но осина растет в России, а туранга — в пустыне.

Прошу Корабая остановиться. С непривычки болит все тело, ноет, саднит.

Коней привязываем среди кустарника, где они могут пощипать свежее-зеленую травку. Кусты терескена и жузгуна еще по-зимнему оголены — весна нынче холодная. Но травы-эфемеры уже дружно повсюду поднимаются.

Корабай сел под турангу на песок по-восточному и принялся чертить рукоятью камчи силуэт верблюда. Сделав набросок, он тут же разглаживает песок, уничтожает изображение. И делает новый.

— Мы, аксакалы, ребяташек ругаем за ошибки. Ну, у нас тоже бываю ошибки. Наско живешь — много делаешь ошибок. Некоторые даже не исправишь. Скажи, зачем ло-

маем жузгун? Правильно, топить печку надо. Кипятить молоко детишкам надо. Но когда жузгун кончится, чем топить печку будешь, а? Я приехал сюда, построил здесь дом — бархана за окном не было. Потом машины стали туда-сюда ходить, овцы травку кушать стали — бархан вырос. Когда-то дом высокий был, бархан низким, а теперь дом стал низким, бархан — высоким.

Старик разравнивал песок, встал и пошел отвязывать коня...

В городе Чу живет Юрий Анатольевич Глазов, директор лесхоза. Он принимает семена жузгуна, изеня, терескена. И хорошо за это платит. Даже лучше, чем за семена саксаула. Потому что изень и терескен задерживают песок. А главное — ценный корм. Муюнкумские растения вообще очень полезные. Летом некоторые наши травы желтеют, как будто высыхают. Но все равно они питательными остаются. Даже витамины сохраняются. Зимой овцы и коровы харчатся... Джейраны и зайцы тоже изень и терескен хорошо едят. Можно так сравнить: изень для овцы все равно, что мясо для человека. А терескен — как будто картошка. Они на изене и терескене после перегона быстро поправляются...

Глазов рассказывал мне:

— Терескен — отличный укрепитель песков и прекрасный корм для овец. Было время, когда считали, что пустыня только тогда и может принести пользу, если ее превратить в сплошной оазис. Но как оказалось, пустыня, если ее использовать с умом, может одарить людей мясом, каракулем, шерстью, дубленками и воротниками. Но чтобы все это получилось, самую пустыню нужно сохранить.

...Возможно, некоторые из вас, ребята, станут чабанами, водителями, механизаторами. Возможно даже, вам придется работать в песках, в пустыне. Помните, друзья, пустыню тоже надо беречь.

НОВОСЕЛЬЕ

Хороший подарок ребятам преподнесли к 1 сентября строители города Советска Калининградской области — новую школу.

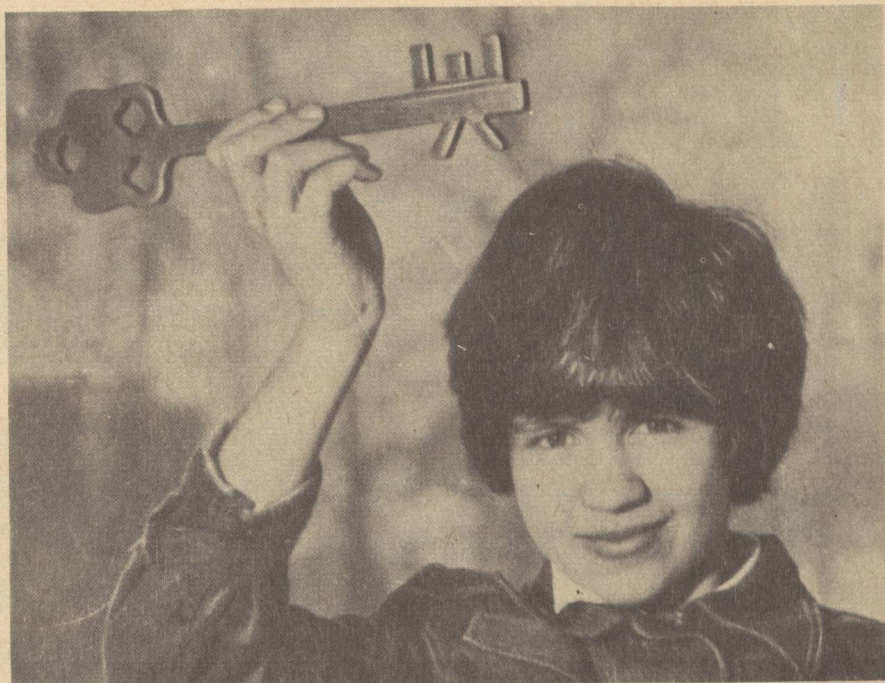
Ученица 7 класса Инна Подлягина с символическим ключом от новой школы № 5.

Каждую неделю в четвертом «б» появляется очередной выпуск устного журнала. Темы — самые разнообразные. О вежливости, о прозвищах, о лентях и прогульщиках...

Победительницы городского смотра горнистов и барабанщиков Люда Юшкевич и Марина Людова.

Это школьное расписание уроков изготовил шестиклассник Эдик Петров. Для каждого предмета — картонная фишка определенного цвета. Если расписание меняется, не нужно его переписывать — достаточно поменять фишки местами.

Теперь уроки домоводства стали намного интересней, чем в старой школе — у каждой ученицы своя швейная машинка.

НЕОБЫКНОВЕННОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ СТЕПАНА КРАШЕНИННИКОВА

РАССКАЗ О РУССКОМ УЧЕНОМ,
ИССЛЕДОВАТЕЛЕ КАМЧАТКИ

Натан ЭЙДЕЛЬМАН
Рисунки Б. Аникина

Однажды в Ленинграде ковш экскаватора наткнулся на старую могильную плиту. Здесь, как видно, находилось давно забытое кладбище. На плите с трудом разобрали надпись:

АКАДЕМИИ НАУК ПРОФЕССОР
КРАШЕНИННИКОВ

Рабочие тут же позвонили ученым. Ученые приехали, рассмотрели плиту и заволновались. Один из них горестно вздохнул:

— Так вот ты где был, Степан Петрович!

— Давно ли жил ваш знакомый? — спросили рабочие и услышали в ответ:

— Да лет двести пятьдесят назад будет.

СОЛДАТСКИЙ СЫН

Жил в начале восемнадцатого века в Москве солдат, по имени Петр, по фамилии Крашенинников. У солдата был сын Степан, мальчик очень способный. Грамоте выучился легко, но ему было

этого мало. Хотелось дальше учиться. Учение, однако, стоило дорого, а соседи и родственники пугали: пока выучишься, с голоду помрешь.

Все же Степан Крашенинников не оробел, выдержал восемь школьных лет. Случалось, за день съедал только кусочек хлеба, запивал водой, но в конце концов одолел многие науки и хорошо выучил три иностранных языка: немецкий, латинский и греческий. Знал, они ему еще пригодятся.

Школа окончена.

Степан стал студентом, а ученье ему совсем не наскучило. Наоборот, все ищет дела потрудней!

И дело нашлось. Предложили студенту отправиться в экспедицию — да такую далекую, что никто и не мог точно сказать, сколько времени ехать.

Экспедиция на Камчатку.

Камчатка... В ту пору никто почти и не слышал про такую землю: это ведь дальний восточный край нашей страны. Когда в Москве полдень, то на Камчатке уже 9 часов вечера, и сегодня самым быстрым самолетом лететь туда больше восьми часов. Если же ехать поездом или паромом, то дорога займет не менее десяти дней.

Во времена же Степана Крашенинникова ездили только на лошадях, а по морю — на парусных кораблях. Сколько же добираться до места? Долго, очень долго...

Не колеблясь, согласился Степан ехать и подумал: «Надо знать свое отечество во всех его пределах». Простился с родными местами и пустился в дальнюю дорогу.

ДАЛЬНЯЯ ДОРОГА

Ехали месяц, другой, третий... Летом дорога пыльная, а если дождь пойдет — грязная, топкая. Лошади быстро устают. Зимой сани бегут быстрее, но зато встают на пути страшные метели, морозы — градусов до пятидесяти. Много месяцев ехал студент. Спутники его скучали — все дорога да дорога, горы, степи, леса... Иногда несколько дней на лодках — по реке. Случалось, за неделю не встретишь ни одного селения...

Степан Крашенинников, однако, никогда не скучает. Выдается минута — достанет записную книжечку и все запишет: как называется река, через которую переправлялись, и сколько дней пути до тех гор, что синеют вдаль, и почему у одних татарских девочек десять или двадцать косичек, а у других только четыре (оказалось, что меньше кос начинает заплетать девушка-невеста, у которой скоро свадьба).

Перевалили Уральские горы. Началась Сибирь.

Более трех с половиной лет длился путь Крашенинникова по сибирским землям. Повидал он разные города — Тобольск, Томск, Красноярск, Иркутск. А в Якутске объявили студенту, что на Камчатку прежде надлежит поехать ему одному, остальные же члены экспедиции придут туда потом. Одному — целый отряд заменить. Много толстых книжечек исписал студент, пока однажды, одолев горный перевал, не увидел вдаль море. Тихий океан!

Погрузились на суденышко под названием

«Фортуна», то есть, если перевести с латинского языка на русский — «Судьба», и шутили, выйдет счастливая фортуна или несчастная: ведь до Камчатки плыть десять дней, а море беспокойное, и черные тучи обещают бурю.

Поплыли, но через несколько суток выяснилось, что судно протекает, и уж в трюмах ходят по колено в воде. Капитан велел всем воду выкачивать, а дело это трудное, и каждый, качнув раз сто, валился без сил... Но вода не убывала. Капитан решил повернуть обратно, ветер же гнал судно в открытое море.

Как быть?

Возвращаться нельзя, но и вперед плыть страшно. И тогда раздался приказ: сбросить в море лишний груз.

«Несчастливы были, — записал потом студент, — те, у которых кладь наверху лежала». А больше ничего не записал — не стал жаловаться, и только много позже признался, что в море полетела его собственная сумка с чистой бумагой для записей и еще одиннадцать сумок с едой, да чемодан с бельем. Так что осталась у бедного студента только одна рубашка, да несколько записных книжек, с которыми не расставался...

Но в те минуты уже никто не волновался о вещах. Люди не думали, что спасутся, так как судно начало трещать.

Показались темные скалы. Камчатка! Огромная волна выбросила «Фортуна» на берег.

Земля заходила, завертелась у пассажиров под ногами. Крашенинников решил, что это от слабости и морской качки — но оказалось, что он ошибся: земля на самом деле тряслась. Камчатка встречала путешественников сильным землетрясением. Для здешних мест — дело обыкновенное!

Так впервые ступил Академии студент Степан Крашенинников на Камчатку. Так он оказался на краю света!

ЧТО УВИДЕЛ СТЕПАН ПЕТРОВИЧ НА КАМЧАТКЕ

Земля тряслась, а вдали дымилась, будто покуривала, высокая гора. «Горелая сопка», — сказал кто-то уже здесь бывавший. «Вулкан» — записал в книжечку студент.

— Сколько здесь таких горелых сопок? — спросил он.

— Кто знает? Много, — ответили спутники.

Они торопились: надо уйти от берега подальше. Случается, во время землетрясения вдруг поднимется на море огромная, как гора, волна, набегит на берег и того, кто попадет, слизнет в море... Пока же море начало отступать. Открылось дно, и казалось, будто стонут и ухают какие-то невидимые чудовища... Но Крашенинников знал: это отлив, а через несколько часов начнется прилив, и тогда держись...

Заспешили путники подальше от моря, и тут только Крашенинников спокойно огляделся и удивился: земля перестала трястись, солнце пригрело, поднималась трава выше человеческого роста,

а издали слышался веселый свист. Это суслики с любопытством наблюдали за людьми и провожали их, пересвистываясь, как будто переговариваясь...

Вдруг из-за горки показался медведь и не торопясь, пошел по склону.

— Он добрый, — сказали местные жители. — Только иногда пошутить любит: увидит бабу с корзиной ягод — и ягоды отнимет.

Море уже скрылось из виду, скоро и жилье.

— Зачем так далеко ехал? — спросил Крашенинникова один встречный.

Степан отвечал, что ему надо записать про все, что есть на Камчатке — про людей, про цветы, про зверей, про рыбу, про камни...

— Ну, и много же у тебя дел! — удивился встречный. — Никто таких дел у нас до сих пор не делал.

КАМЧАДАЛЫ

Первое дело — научиться говорить с местными жителями. Русских на Камчатке немного. Один из них хорошо умеет объясняться с местным народом и берется помогать студенту. Крашенинников, однако, торопится сам выучиться языку камчадалов (или как они сами себя называют — ительменов), каждый день записывает незнакомые слова и вскоре пускается в разговоры.

Камчадалы — люди веселые, поговорить не прочь. Сейчас лето, мужчины охотятся на тюленей, ловят и сушат рыбу. Женщины собирают травы, чтобы приготовить из них разные лакомства или сплести покрывало, ковер. Ловко камчадалы работают — режут траву, потрошат рыбу, разделяют шкуры. Топоры и ножи почти все сделаны из камня или кости; о железе камчадалы только недавно узнали от русских и еще не совсем привыкли к нему.

Студент смешной, обо всем расспрашивает, улыбается — видно, хороший человек.

Вот приходит один камчадал к другому в гости. Позвали и Крашенинникова. Разжигают огонь. Русский протягивает свой кремль, чтобы, ударив по камню, выбить искру (спичек в то время еще никто не знал). Смеются хозяева: зачем камнем о камень бить? Берут палочку, вставляют в специальную дощечку и быстро-быстро вертят: дерево нагревается, затем начинает тлеть, огню дают «поесть» особого мха — вот уже костер горит прямо в юрте. Становится жарко, дым крепко ест глаза. А камчадал начинает угощать соседа рыбой, мясом, травяным отваром.

Гость поел, ему еще накладывают, потом еще... Пока не взмолился пришедший: не могу больше съесть ни кусочка! Хозяин смеется: ладно, но плати за то, что больше не ешь. И гость отдает все, что хозяин ни попросит. И рукавицы, и нож, и украшения, и почти всю одежду... Но пройдет немного дней, и сегодняшний хозяин станет гостем, придет в юрту того, кого сегодня угощал. И опять будет пир, пока гость не устанет есть и не отдаст хозяину все, что тот ни попросит.

Так и меняются камчадалы друг с другом вещами. А за деньги ничего у них не получишь,

только хохочут, когда студент вынимает монету. «Что в ней толку? Разве деньги можно съесть или надеть на себя? Давай лучше менять — или просто так бери, что хочешь, не жалко!»

Кончается короткое камчатское лето, и жители после трудов спешат повеселиться: запевают песни, непривычные, странные для приезжего, или пускаются в пляс. Иногда целый день не перестают веселиться ни на минуту и еще ночь прихватывают — и так им жарко, что бегут к морю охладиться... Но вдруг один сорвался с берега и тонет. Никто не бросился помочь.

— Что же вы?! — закричал Степан Петрович и приготовился кинуться вниз.

Но его хватают, удерживают: стой, ни с места! К счастью, утопающий сам, хоть и с трудом, выкарабкался на камни...

— Нельзя спасать, — объясняют старики. — Если спасешь, значит сам когда-нибудь непременно утонешь...

— Да что за чепуха! — горячился русский.

Но никто с ним не согласен. И как переубедить этих людей? Лучше поговорить о другом.

— А где же ваши собаки? — спрашивает Крашенинников.

Хозяин машет рукой: там где-нибудь, в лесу, в поле. Сами добывают себе еду. А вот зима как настанет, прибегут. Есть будет нечего, придут. Толстые, ленивые, наелись за лето. Тут их привяжут и заставят крепко поголодать — иначе плохо повезут по снегу.

«Да скоро зима — сам увидишь!»

ЗИМА

В августе уже появляется иней, а вскоре сильные ветры приносят снег. Прошелся над сугробом лютый мороз, и затвердела, как корка, снежная гладь.

Теперь можно поехать туда, где летом увязнешь в болоте. Собаки запряжены — и вперед... Только не зевай, особенно когда с горы спускаешься: визгом перевернутся сани и унесутся с собаками вниз, а ты догоняй по пояс в снегу.

Бежит упряжка по ущелью, а с обеих сторон поднимаются красивые, но очень крутые горы.

Можно ли на них взобраться?

— Взобраться легче, чем спуститься, — отвечает проводник. — Только на длинных ремнях, цепляясь за камни, можно сойти вниз.

А далеко-далеко курится гора — не та, которую видел Крашенинников в первый день, другая, — и время от времени над ее вершиной прыгают языки огня. Крашенинников хорошо знает, что это прорывается наружу подземное пламя, но из интереса спрашивает камчадала:

— Отчего гора горит?

— Оттого, что горные духи в эту пору топят свои юрты.

— Чем же топят?

— Китовым жиром.

— Так ведь киты в море плавают, а духи, ты говоришь, на горе живут.

— Ничего ты не знаешь, — усмехается проводник. — Духи все могут: иногда спускаются в море

и выходят оттуда с растопыренными руками, а на каждом пальце насажено по киту. Десять пальцев — десять китов...

«Какая красивая сказка!» — думает русский.

«Вот чудак, — думает о нем камчадал, — не знает, отчего гора горит...»

Тут оба замечают, что собаки не хотят бежать по снежному полю, скулят, зарываются в снег.

— Буран идет, — объясняет проводник.

Путешественники сейчас же укладываются рядом с собаками, чтобы греться их теплом, накрываются чем только можно, прикрепляют сани, груз — и вовремя! Налетает буран, да такой, что не видно ничего в двух шагах. Ни двигаться, ни вставать невозможно: только лежать, может, день, а может, и три. Да знай отряхивайся, чтоб не засыпало совсем. И все же наверху наматывает огромный сугроб: поэтому, как только ветер стихнет, скорее раскапывайся.

Наконец кончилась непогода. Солнце, отражаясь от снега, слепит глаза. Всем — и людям, и собакам — мучительно хочется есть, пить. К счастью, на пути поселение. Хозяин выходит из юрты, рад гостям. Опять набегаёт пурга, и как славно слушать ее вой у огня. И самое время попросить хозяина юрты или проводника рассказать сказку (и, конечно же, записать ее в книжку).

СКАЗКА

— Вот ты, русский, наверное, и не знаешь, отчего ветер рождается? Так слушай.

Живет в горах высоко дух ветра, а зовут его Балакит. У него длинные и кудрявые волосы. И вот захочется ему, чтобы ветер где-нибудь начался, — летит он в тот край и качает над ним головой: кудри разлетаются во все стороны, и чем сильнее их раскачивать, тем сильнее ветер... Видишь, наверное, над нами Балакит сейчас кружит, недаром такой ветер. Вон смотри, прядь волос закручивается метелью!

— Как же прекращается ветер? — спрашивает Крашенинников.

— Очень просто. Устанет Балакит головой трести и летит обратно. Когда он возвращается, жена его радуется, и чтобы показаться Балакиту красивее, румянит свое лицо, от этого утром и вечером в тихую, безветренную погоду, румяная заря на небе.

— А если Балакит задержится в дороге?

— Тогда жена его печалится, плачет, что напрасно разругалась, и не показывает своего лица — от этого бывают пасмурные дни.

Между тем, пока сказка сказывалась, ветер утих: видно, Балакит полетел к своей милой...

И снова собаки бегут по снегу. Вдруг впереди облако поднимается.

Собаки облака не боятся, но проводник сбобел. Остановился, не хочет дальше идти: все твердит о злом духе. И со страхом глядит, как уверенно идет его пассажир к паровому облаку и зовет... Опасливо, издали смотрит камчадал, как раздевается студент и спокойно ложится в воду: это теплый источник. Потом нехотя вылезает, оде-

вается, измеряет температуру воды и записывает, что, конечно, теплые источники не случайны в этом краю, что их подогревает то же подземное пламя, которое раскаляет огромные горы-вулканы.

«Как много тепла в этом холодном краю, — думает Крашенинников. — Кто знает, может быть, наши правнуки сумеют его использовать, построят города, обогреют дома, будут зимой выращивать такие овощи и цветы, которые и вообразить теперь невозможно!»

И снова бежит упряжка. Присмирел проводник, зауважал, даже испугался своего отчаянного спутника: ведь ни один местный житель не справился бы так легко с духом горного ручья!

А Степан Петрович опять достает книжечку и останавливается у старинного почернелого креста. Из надписи, едва сохранившейся на кресте, Крашенинников узнает, что поставили его сорок лет назад «Владимир Атласов с товарищами».

Имя это студент слышал в Москве и в Петербурге. Смелый, отчаянный казачий предводитель Атласов еще до рождения Крашенинникова привел русский отряд на Камчатку — прежде эту землю даже на карте нельзя было найти. В одном из походов давно сложил голову атаман Атласов. Никого не осталось в живых из его товарищей. И крест, похоже, скоро упадет под ударами снеговых бурь. Но недаром Крашенинников открыл свою книжечку: то, что он запишет, будет вскоре известно в России, и память о славных делах не забудется...

Бежит дорога по морскому берегу. День, два можно ехать — никого не встретишь! Лишь огромные волны то наступают с приливом, то с отливом убегают. Какая ширь! Всем хватает земли и воды, не из-за чего, кажется, здесь ссориться.

— Да, нет, — говорит проводник, — все время у нас войны идут...

ЗАЧЕМ КАМЧАДАЛЫ ВОЮЮТ?

У камчатских племен нет царей, и все дела мужчины решают сообща, на племенном совете. Но все же на тех советах главное слово принадлежит старикам, а еще главнее слово вождя.

Конечно, вождь не имеет такой власти, как русский царь в Петербурге, но он всех богаче. На севере Камчатки, у коряков, Крашенинников знакомится с вождем, у которого так много оленей, что он и не знает, как их сосчитать.

— Сколько их? — спрашивает русский.

— Столько, — отвечают ему, — сколько пальцев на руках и ногах у одного человека, потом у двух человек, у трех, у десяти, потом у двадцати...

Не умеют жители Камчатки считать без пальцев. С большим трудом удается понять, что у вождя сто тысяч оленей!

Стоит ли воевать при таком богатстве? Оказывается, как раз самые зажиточные люди стремятся приобрести еще больше добра и заставляют идти войной целые племена. Воюют храбро, отчаянно. «А когда увидят, — записывает Краше-

нинников, — что неприятель берет верх, то всякий камчадал, заколов жену и детей своих, или разбивается насмерть, сбросившись с берега со скалы, или с оружием устремляется на неприятеля, один — на всех, и гибнет в бою».

«Но разве только на Камчатке не утихают битвы? — думает ученый. — Разве по всей земле короли, императоры, султаны не дерутся до последнего солдата? А ведь мы значительно культурнее бедных жителей Камчатки: у нас корабли, пушки, железо — а у них каменные топоры, стрелы с костяными наконечниками...»

Грустно Степану Крашенинникову. Совсем не так весело на Камчатке, как показалось ему в первые дни. Легко погибнуть в этом краю — и камчадалу, и русскому: от бури, вулкана, шторма, от пули, стрелы, топора.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Быстро бегут собаки — знают, что дом уж близко. Вот и знакомые избы, камчатские юрты. Все высыпают наружу — радуются студенту, старому знакомому. Выходят купцы, но глядят на приехавшего без всякого интереса: что толку в нем — ни лисиц, ни бобров не привез, разве что по одной штучке для коллекции; одни бумажки да камни,

да сухие растения. А ведь за каждого соболя или лису, если их довести до Москвы или Петербурга, важные господа большие деньги дадут! Нет, совсем не интересуются купцы Степаном Петровичем.

А тот не унывает, радуется, что привез много вещей, за которые ничего платить не будут. Не только привез, но каждому листку, шкурке, камню знает название — на камчатском языке, на русском, да еще по латыни и гречески: так положено записывать любому ученому, чтобы в другой стране его понять смогли.

Купцы давно ушли в свои избы. Зато камчадалы не просто рады веселому и доброму гостю, но даже поют сложенную о нем песню. По-камчадалски она так начиналась: «Студенталь теерик битель читель киллизик», и сам герой быстро перевел ее на русский язык:

*Если бы я был студент, то написал бы о всех
девушках;*

*Если бы я был студент, то описал бы быка-
рыбу;*

*Если бы я был студент, то описал бы всех
морских чаек...*

*Если бы я был студент, то описал бы горячие
ключи, все горы, всех птиц
и всех морских рыб...*

ДОМОЙ

Четыре долгих года пробыл Степан Крашенинников на Камчатке. Огромную землю эту объездил он вдоль и поперек несколько раз — и все ему мало. Все беспокоится, что ученые в Петербурге, Москве почти совсем ничего не знают о таком дальнем крае, как Камчатка. Крашенинников повторяет: «Надо знать свое отечество во всех его пределах».

— Зачем торопиться домой? Разве тебе у нас плохо? Оставайся! — так говорит ему один приятель.

— Езжай домой, там расскажешь о нас, — так говорят другие.

— Что же дадут тебе за твои труды? — спрашивает третий.

— Профессором, академиком будешь, — говорит кто-то грамотный из русских.

— А все равно богатым не будешь, — предсказывает старый проводник.

И вот однажды Степан Петрович говорит камчатским друзьям:

— Прощайте! Сказал бы «до свидания», да вряд ли свидание будет, вряд ли еще свидимся.

Прощайте, друзья в юртах и избах!

Прощайте, вулканы, добрые медведи!

Прощайте, камчатские бураны и камчатские сказочники! Я уезжаю далеко — слышали вы про такие места: Москва, Петербург?

— Прощай, студент!

И снова — на корабль. На этот раз, если случится крушение, погибнут многолетние труды: множество записных книжек, гербариев, чучел и шкурок. Степан Петрович так сложил, укрыл, упаковал свои драгоценности, что если он сам пропадет — его груз все же сохранится для науки.

Вот и скрылись за кормою камчатские горы. На этот раз море, однако, было спокойным, добродушным, и плавание прошло без приключений.

А затем медленно карабкается лошадка студента по горным перевалам, позади остаются сотни, потом тысячи верст тяжелого летнего пути.

Но вот и осень, за нею зима: по льду застывших рек, по санным тропам дорога пошла быстрее...

А потом снова весна, разлились воды, и нет никакой дороги, приходится ждать недели и месяцы. Наконец подсохло — снова лето. Уже целый год держит путь на запад Степан Крашенинников. Наконец пошли знакомые места, переехали Урал, Волгу — меж тем вторая зима наступает. И опять санная дорога, веселая для сердца...

Вот и Санкт-Петербург. Столица на реке Неве. А позади десять тысяч верст пути. Академия наук, отсюда много лет назад отправился в путь юный студент. Теперь сюда вернулся настоящий ученый. Довез он свои коллекции и записные книжки. Довез и сдал в Академию: теперь не пропадет его дело! Устал Крашенинников. Молодое лицо покрыли морщины, появились седые волосы. Устал — но некогда отдыхать, нельзя останавливаться. Пока есть силы и свежа память — надо написать книгу о своих странствиях и открытиях.

Книга пишется не скоро, пожалуй, даже медленнее, чем совершалось путешествие на край света. Студент Крашенинников, правда, за свои открытия уже получил звание профессора, но богатым не стал. Наверное, не умел копить деньги, да и платили ученым в Академии немного. В ту пору начало и здоровье пошаливать: сказались тяжелые годы странствий, многолетняя усталость. Но все равно счастлив Степан Петрович: доволен, что дело довел до конца.

И вот выходит замечательная книга — «Описание земли Камчатки». Книгу читают ученые в России, во всем мире. Только автор не успел взглянуть на изданное сочинение. Он умер, прожив всего 44 года. Несколько месяцев не дотянул, чтобы хоть полистать собственное, совсем готовое сочинение.

Схоронили Степана Крашенинникова и положили камень с надписью:

АКАДЕМИИ НАУК ПРОФЕССОР
КРАШЕНИННИКОВ

Тот самый камень, который много лет спустя случайно обнаружат на одной ленинградской улице.

Висит сейчас портрет Степана Петровича в Академии наук СССР. И на Камчатке сегодня хорошо знают его. Именем Крашенинникова названа высокая сопка, а также остров и мыс в Тихом океане.

Камчатка сегодня совсем не та, что во времена Степана Петровича. Но тем интереснее книга, рассказывающая, какая была жизнь в этом краю 250 лет назад. И в наше время «Описание земли Камчатки» выходило несколько раз.

Миллионы людей читают эту книгу и говорят: «Спасибо, Степан Петрович!»

ЗАВОДЫ, КОТОРЫЕ В ЧЕРТЕЖАХ

«Сегодня, заглядывая вперед на пять, на десять лет, мы не можем забывать, что именно в эти годы будет закладываться и создаваться народно-хозяйственная структура, с которой страна вступит в двадцать первый век», — сказал товарищ Леонид Ильич Брежнев в Отчетном докладе XXVI съезду КПСС.

А можно ли сегодня совершить путешествие в XXI век?

В этом нам помогут инженеры Ленинградского Специального конструкторского бюро тяжелых и уникальных станков.

ОБРАБАТЫВАЮЩИЙ ЦЕНТР

Представьте себе станок величиной с арену цирка. А зачем? — спросите вы. Сейчас все новинки техники становятся все меньше и меньше. А тут такой громадный станок, кому он нужен?

Теперь представьте себе заводской цех, величиной с футбольное поле. Такой цех есть на Ленинградском объединении «Электросила». И расположились в нем 25 различных станков, обслуживают которые рабочие различных специальностей. Но вот скоро настанет день, и в этом цехе появится один громадный станок и заменит все остальные. Конструкторы назвали его «обрабатывающий центр». Назвали его так, потому что обслуживать его будет один рабочий, а выполнит он все операции,

которые раньше выполняли двадцать пять станков и столько же рабочих. Управлять им будут нажатием кнопок, потому что создатели этого уникального станка предусмотрели программное устройство. И еще одно достоинство есть у обрабатывающего центра — его можно подключить к электронно-вычислительной машине, и тогда он будет работать совсем без помощи человека.

КОНЕЦ

«КАМЕННОГО ВЕКА»

Десять лет назад на Международной выставке станкостроения в Чикаго президент американской фирмы «Денли» Джеймс Денли, выступая перед специалистами, сказал, что во всем мире гребные винты для морских судов изготавлиются методом «каменного века», то есть их обработка ведется полностью вручную. И он сказал правду. Вначале будущий гребной винт совсем не похож на винт. Это квадратный металлический куб с большой дачный дом. К нему подходит бригада из пятнадцати человек, вооруженная отбойными молотками и начинает при помощи их отсекают от куба все лишнее. То есть придает ему вид, отдаленно напоминающий гребной винт. Потом эта громадная заготовка поочередно устанавливается на несколько копировально-фрезерных станков, и каждая лопасть винта обрабатывается отдельно. Представляется, сколько труда и физических усилий необходимо затратить, чтобы изготовить одну деталь будущего судна!

Конструкторы всего мира пытались облегчить этот трудоемкий процесс. Но удалось это сделать только ленинградцам. Наши специалисты не только сконструировали универсальный станок для обработки гребных винтов, но уже изготовили опытный образец и провели испытания.

На первый взгляд гребной винт прост. Но давайте взглянем. Видите, как хитро закручены его лопасти. И это бы

было полбеда, если бы винт сваривался. Но помните, он делается из одной литой заготовки. Иначе нельзя. Иначе, буря вода, он может сломаться. Даже маленький винтик для игрушечного кораблика самый искусный токарь не возьмется выточить на одном станке, не снимая заготовки.

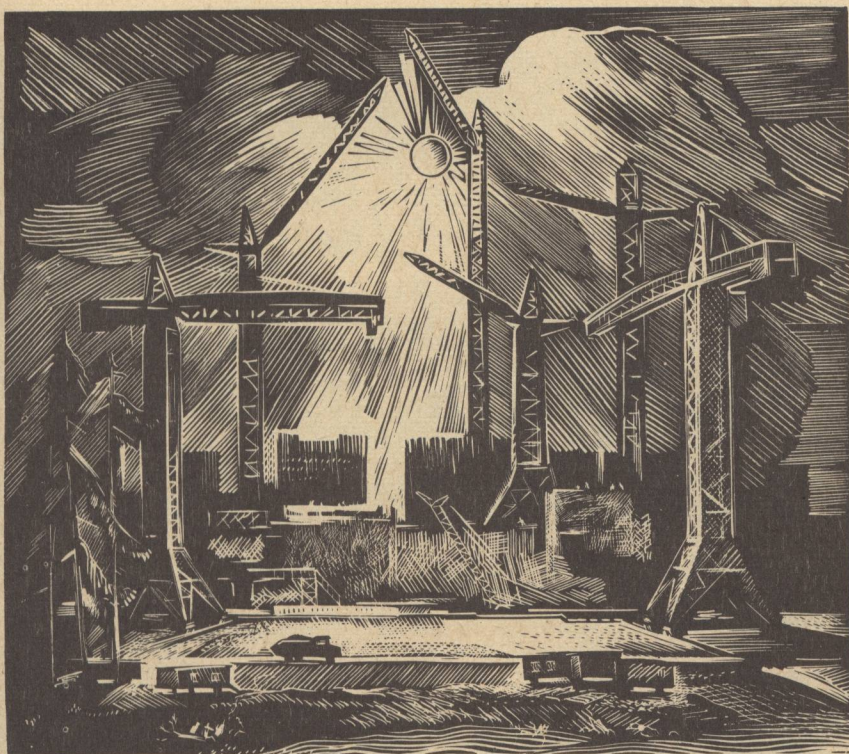
Вот конструкторы и не могли догадаться, как доверить одному станку всю работу. Как ни думали, а меньше пяти станков для этой операции у них не получалось.

Советские конструкторы пошли по другому пути. Призвали на помощь электронно-вычислительную машину и для нее разработали очень сложную математическую программу. Такую сложную, что поначалу и машина отказалась выполнять. Пришлось обучить и машину. И вот, подключенная к станку, она теперь управляет всей работой, а присматривает за станком всего лишь один человек.

Литая заготовка, установленная на станок, обрабатывается фрезерованием по всем криволинейным поверхностям. Причем все это делается в четыре раза быстрее прежнего, а полная автоматика технологического процесса высвободила десятки рабочих.

Интересная деталь. Когда новый станок проходил испытание на Коломенском станкостроительном объединении, в это же самое время японские специалисты принимали другой станок, заказанный ими в нашей стране. Так члены этой

комиссии забыли о своих прямых обязанностях и все время проводили у станка по обработке гребных винтов. Ведь они считали, что Япония прочно держит первенство по электронной технике. А тут такое выдающееся достижение! Они так были удивлены, что уехали, как говорится, не поверив своим глазам.

РОБОТ В ЦЕХЕ

Сразу придется оговориться (об этом попросили конструкторы): сегодня ученые под словом «робот» представляют совсем не «механических стальных человечков» с электронной начинкой, глазами-лампочками, голосом, напоминающим заезженную пластинку, ходящих по цехам на шарнирных железных ногах. Сегодня «роботами» конструкторы называют механических помощников рабочих, которые имеют машинную память и при помощи электронного зрения могут видеть обрабатываемую деталь. А как он будет выглядеть, то ли в виде металлической «руки» или обыкновенной тележки — это для ученых не имеет значения. Главное, чтобы робот мог заменить труд человека.

Вот с одним таким роботом мы и познакомимся. Ходит он по рельсам. Сам похож на обыкновенную тележку. Имеет два манипулятора, действительно похожих на стальные руки. А предназначен всего лишь для подачи деталей на станок и снятия их после обработки. «Какой же это робот? — скажете вы. — Скорее грузчик».

Правильно, он грузчик. Потому что только он может легко перенести двухсоткилограммовую деталь. Но он все же и робот, так как не просто «таскает» тяжести, а точно по времени, рассчитанном по секундам, должен снять деталь с одного станка и установить ее на другой, который тоже робот, хотя еще по привычке его называют станком.

Робот-станок оснащен машинной памятью. Он не забывает: прежде чем начать дальнейшую обработку, нужно сделать десять измерений и с точностью до 0,1 миллиметра обработать деталь, которая в длину занимает двадцать метров!

СТАНОК БЕЗ... РАБОЧЕГО

Давайте войдем мысленно в один из цехов будущего на

заводе объединения «Турбо-лопатка».

...Серебристая лопатка турбины медленно вращается в станке. Проходит время, и к ней подъезжает робот-транспортёр. Снимает готовую лопатку со станка и перевозит ее на испытательный стенд. И тут же другой робот устанавливает другую лопатку на станок. Но что удивительней всего — нигде не видно рабочих. Только станки, роботы, и в самом конце цеха, за стеклянной перегородкой, стрекочет электронно-вычислительная машина. Там-то и находим одного рабочего. Одного на весь громадный цех, в котором больше пятидесяти станков!

Он приветливо улыбается и говорит:

— Нет. Здесь я не один. Есть у нас ремонтная бригада. Только где наши механики, не могу точно сказать. Должно быть, хоккей по телевизору смотрят. Сегодня наша электроника не капризничает, значит, и им работы нету...

«Может быть, достаточно, — скажет кто-то из вас, ребята. — О таких цехах читали у фантастов...»

Ну что ж, остановимся на минуту и из будущего вернемся в день сегодняшний. Действительно, нет пока такого цеха-автомата. Но он уже спроектирован и через пять лет, то есть в двенадцатой пятилетке, войдет в строй.

«Обрабатывающий центр», «робот-станок», «завод-автомат», «станок-ЭВМ» — такие понятия, которые будут обычными в XXI веке, уже сегодня входят в нашу жизнь.

О. НОСОВ

Гравюры Д. Титова

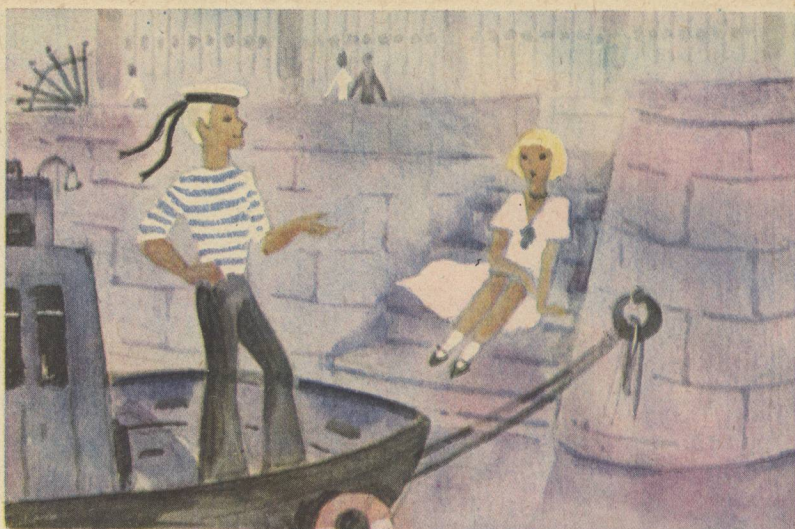

БУКСИР И КУТУЗОВСКАЯ НАБЕРЕЖНАЯ

СКАЗКА

Б. СЕРГУНЕНКОВ

Рисунки Ю. Беломлинской

Плавал на Неве буксир. Таскал за собой баржи с досками, песком, кирпичом и прочим грузом.

Однажды стоял буксир с баржей у стен Кутузовской набережной, напротив Летнего сада, в ожидании, когда в полночь разведут мосты и можно будет идти в Финский залив.

Но вот наступила полночь, на Неве развели мосты, и буксир отправился в путь.

Матрос с баржи, заболтавшись с девушкой, которая в это время гуляла по набережной, забыл отдать швартовы, и буксир вместе с баржей потянул к Финскому заливу и Кутузовскую набережную.

За Кутузовской набережной последовал Летний сад с Фонтанкой и Лебяжьей канавкой, Марсово поле, Садовая улица и Литейный проспект, за Литейным — Невский проспект и левый берег Невы, за левым — правый, и сама Нева.

Нетрудно догадаться, сколько бы времени длился этот путь, если бы капитан, чуя неладное, не выглянул из капитанской рубки и не увидел, что произошло.

Был он человеком спокойным и рассудительным, каким обыкновенно бывают все капитаны, и он приказал команде немедленно возвращаться обратно.

Буксир развернулся и повел обратно баржу, а за ней город и все остальное: правый и левый берега Невы с Невой, Невский и Литейный проспекты, Садовую улицу, Марсово поле, Фонтанку, Лебяжью канавку, Летний сад и Кутузовскую набережную.

Тут только капитан отругал матроса, который, как ни в чем не бывало продолжал разговаривать с девушкой, приказал отдать швартовы, и буксир двинулся снова в Финский залив.

ЖУРАВЛИ

Золотые осенние дни.
Собрались отлетать журавли.
Покружили они над болотом,
Над своим журавлиным гнездом,
Улетели далеко-далеко,
Чтобы снова вернуться потом.
Буду ждать их с утра и до ночи,
А когда прилетят, напишу:
Журавлиное сердце тоже
Помнит родину — землю свою.

Саша Дыкуха,
5 класс,
Киев

ПЯТЕРКА

Пятерку получил мой брат,
И он поехал в зоосад.
Он показал пятерку
И льву, и медвежонку,
И многие другие звери
Его пятерку посмотрели.
Он всем похвастаться бы рад,
Но тут... закрыли зоосад.

Витя Махров,
3 класс,
ст. Малаховка
Московской области

ЛИСТОПАД

Листья желтые кружатся.
Листопад, листопад...
Вновь о чем-то задумался
Опечаленный сад.
Потихоньку ступаю
Небольшими шагами,
Золотая листва
Шелестит под ногами.
Что-то шепчут рябины
Ветки вниз наклоня.
И куда подевались
Крики, шум, беготня?
Осыпают деревья
Свой прощальный наряд,
Листья желтые кружатся,
Листопад, листопад...

Лена Балюта,
13 лет,
Красноярск

БАБУШКИН КЛУБОК

Вязала бабушка чулок,
И ненадолго задремала.
Проснулась: голубой клубок
Бесследно вдруг исчез из зала.
На кухню бабушка пошла,
Кряхтя и недоумевая,
Да так и ахнула: была
От ниток кухня голубая!
А на столе, прикрыв глаза,
Лежал котенок-шалунишка,
Сметану с блюдечка слизав,
С клубком играл он в кошки-мышки.

Ира Гайдукова,
8 класс,
г. Шахты,
Ростовская область

КОСМОНАВТЫ

Алексей ШЛЫГИН

Во дворе у нас качели
Замечательные —
Во дворе у нас качели
Испытательные...

Круто-круто я взлетаю,
Набираю высоту —
К перегрузкам привыкаю,
Закаляюсь и расту!

Будто звезды стали ближе,
Будто я взаправду вижу:
Проплывает подо мной
Настоящий шар земной.

У меня пробелы в русском —
Как же в космос полечу?
Привыкаю к перегрузкам —
И сопряжения учу...

Во дворе игра в разгаре,
И малыш пяти годов
Говорит, что он Гагарин,
Что к полетам он готов!

Рисунки Т. Капустиной

В редакцию пришло письмо

«В «Костре» № 4 я прочитала о 104-ом ПТУ швейников, которое находится в Ленинграде на Петроградской стороне. Я живу в поселке Волосово Ленинградской области, и в этом году закончила восьмой класс. Я хотела бы поступить в швейное училище. Если можно, расскажите о нем подробнее.

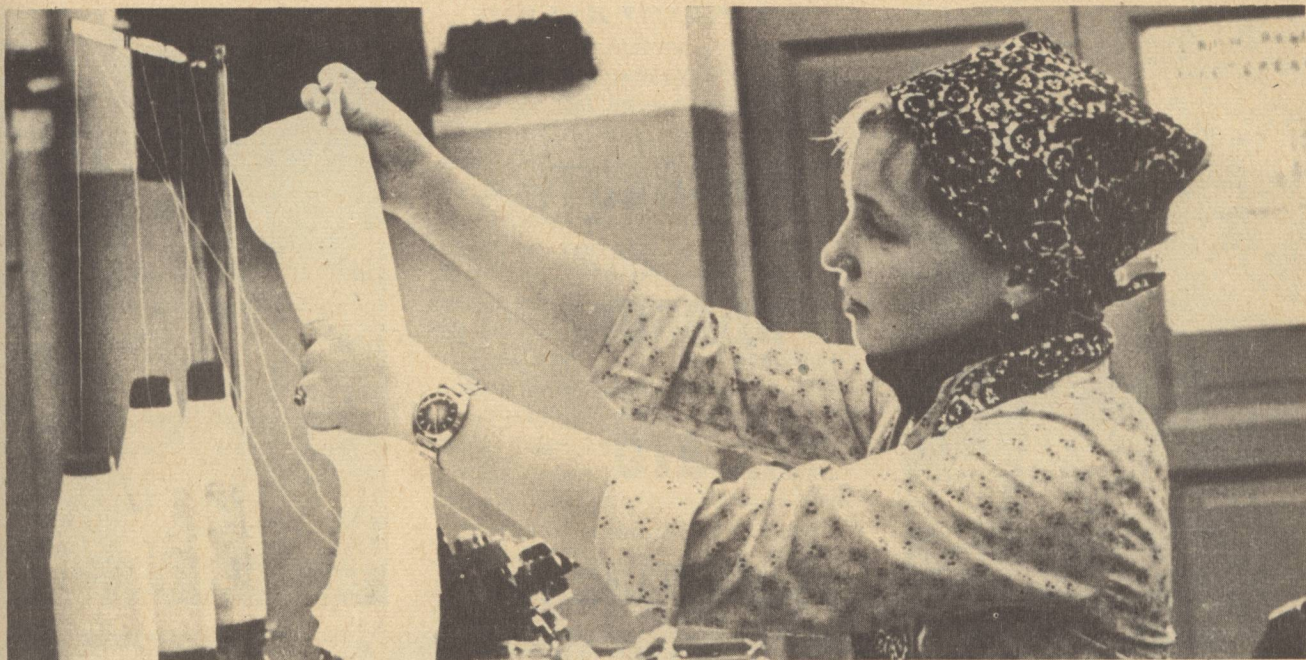
Ира Зиминая,
пос. Волосово
Ленинградской области»

Света Богданова:

— Жужжит моя машинка.
Шепчу себе: «Ровнее, Светлана,
ровнее! Не торопись!» Год
назад стояло Аполлинару
Васильевне отойти, на минуту
отойти, и шов ехал вправо...
или влево, но никак не прямо.
Аполлинурия Васильевна
Артемова сорок лет проработала
на «Красном Знамени». Со-

Оля Федосова

Марина Тихомирова

рок лет! Сейчас — мастер швей-мотористок.

Придет день — скоро, через год, — и не будет Польшасильны (так мы зовем любимого мастера) рядом, она останется в училище, а я приду в цех...

Зажужжит моя машинка. И шов — стежок за стежком — ляжет прямо, быстро побегит по трикотажному полотну.

Оля Федосова:

— Белые-белые... Потом на них можно будет вышить — бабочку, пару цветочков. Или перевести на них Винни-Пуха. Или оставить белой... Для уроков физкультуры...

А кроются футболки. Трикотажные белые футболки 38-го размера. Сейчас я на ленточно-стационарной машине вырезаю проймы.

Помню, однажды были голубые, кроили рукавчики. И не получились. На карманчики пошли.

А теперь... теперь — II курс. Теперь не только футболки могу...

Ну, вот и готово! Теперь Марина Тихомирова, швея, начнет стачивать.

Марина Тихомирова:

— Сколько перешила футболок! Всех размеров! После Оли Федосовой, одной из лучших учениц нашего 104-го ПТУ,

качество кроя можно не проверять, а смело стачивать...

Правда; однажды было так: все рукава у платья — правые. А я и стачала. Потом распарывала.

Так вот, чтобы не распарывать, — а это трудно, да и дырочки от машинного стежка остаются на трикотаже, — нужно проверить...

Безошибочен крой у Оли.

Вика Котова:

— Я — вязальщица. Вяжу носки, чулки, гольфы. А это —

круглочулочный автомат. Сейчас заправлю нить, и начнется мой учебный день в мастерской училища.

Ну, а вечером... Вечером у Светы Богдановой — кружок «Силуэт», у Оли Федосовой — драмкружок, у Марины Тихомировой — сегодня занятия в КИДе «Глобус». А у меня как у члена комитета ВЛКСМ тоже хватает дел...

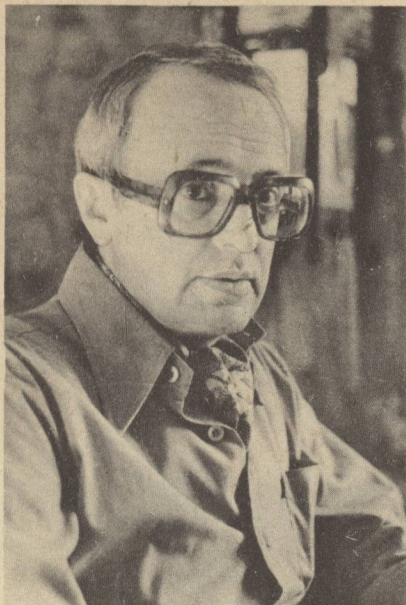
Приходи к нам в училище, Ира! Улица Подковырова, 28...

Н. СИЗОВА

Фото В. Лозовского

Света Богданова за машинкой

Эрик Беньяминсон

Внешне это два разных человека. Эрик Беньяминсон — высокий, стройный, с озорными искрами в глазах. Борис Кыштымов среднего роста, коренастый, с пытливым задумчивым взглядом. «Да, мы разные, — говорят они, — и привычки у нас разные. Одно общее — очень любим рисовать всякую технику. Рисовать подробно, чтобы было видно, как одно колесико цепляется за другое».

Люди, впервые разговаривающие с ними, всегда любопытствуют: «Но как же вы рисуете? Сразу в четыре руки?» На что Эрик не без озорства отвечает: «Именно, в четыре! Сначала вместе придумываем как будем оформлять книгу в целом, потом обсуждаем детали, подбираем материал и садимся рисовать. Иногда руки путаются, но работать вдвоем интересно, даже когда мы спорим или не соглашаемся друг с другом».

Кроме любви к рисованию этих художников еще объединяет огромная трудоспособность и адское терпение. Ведь для того, чтобы достоверно нарисовать существовавший столетия тому назад корабль или старинный автомобиль, или самолет, приходится перелистать тысячи страниц старинных книг, справочников, энциклопедий, журналов, газет, пристально всматриваться в пожелтевшие

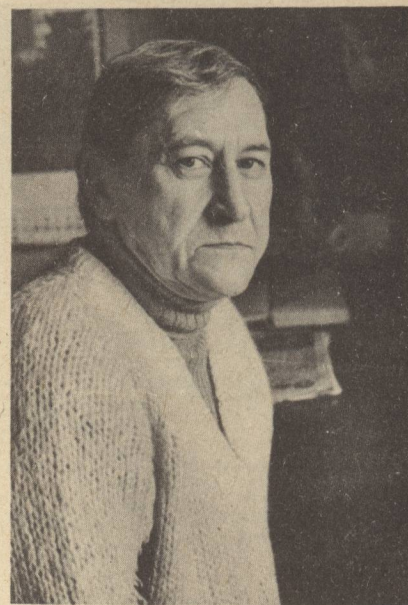
Рисовать вдвоем — это прекрасно!

фотографии, рыться в архивах. А без этой трудоемкой, но совершенно необходимой работы не нарисуешь иллюстраций к книгам, рассказывающим о мореплавателях-первооткрывателях новых земель, о людях, дерзнувших покорить небо или изобретавших «адские повозки», пугавшие в прошлом лошадей и прохожих.

Одну из своих первых совместных работ — иллюстрации к детской морской энциклопедии «По морям вокруг Земли» — художники создавали три года. Чего здесь только нет: и изображения старинных карт и гравюр, и портреты знаменитых мореплавателей, и фотографии и рисунки современных кораблей, юмористические рисунки, рисунки-загадки, изображения животных, рыб, птиц... Всего не перечислить!

Вот рисунки — целые развороты, где можно разглядеть внутреннее устройство океанского лайнера, атомной подводной лодки, старинного парусника. Рисунки, рассказывающие как возникают в открытом океане коралловые острова, как размещали невольников в трюмах рабовладельческих судов, какими страшилищами изображались обитатели заморских стран в рассказах первых кругосветных мореплавателей.

В процессе работы с этой сложнейшей книгой происходи-

Борис Кыштымов

ло всякое. Например, художники обнаружили, что существует три разных изображения флага знаменитой флотилии Христофора Колумба — каравеллы «Санта-Мария». Какое из них выбрать? И друзья решили на не совсем обычный прием. Они соединили отдельные признаки трех кораблей в единое целое. Как знать, может быть, именно этот образ и оказался наиболее близким к истинному?

Но такие вольности Беньяминсон и Кыштымов позволяют себе только в исключительных случаях. Рисунки художников отличаются высокой точностью. Дотошность друзей широко известна. Рисуя с фотографии аэроплан братьев Райт к книге «Человек поднялся в небо», они заинтересовались назначением веревок, сетью опутывающих машину. Бесстыдное ли переплетение? Разобравшись досконально, установили, что каждая веревочка имеет свое назначение и при полете нужна: так, например, от рычага, находящегося в правой руке пилота, отходит трос к рулям поворота, левый рычаг соединен с рулями высоты...

Рассказывая о совместной работе, друзья добродушно шутят. Беньяминсон жалуется, что Кыштымов так и норовит нарисовать у каждого корабля лишнюю трубу. Никак не может забыть свою детскую

страсть к судам с частоколом дымящих труб!

Вспоминают один несчастный случай, неожиданно обернувшийся удачей. Художники закончили эскиз обложки к книге «Большой дом Человечества» и поставили его на окно сушить. Через минуту с ужасом заметили, что краска в одном месте потекла, на рисунке образовалась клякса в форме кактуса. Но, что удивительно, кактус оказался в самом подходящем месте — в Южной Америке! Пририсовали ему колючки, и незваный пришелец украсил весь тираж.

Создавать познавательную книгу вдвоем — увлекатель-

нейшее занятие, говорят друзья. Совместное творчество как бы дает возможность снова пережить годы детства, вспомнить неистощимую жажду познания тех дней. Все машины красивы по-своему и интересны, каждая из них внесла свою лепту в общую копилку технических достижений человека.

В мастерской у Кыштымова собраны награды и дипломы, полученные за совместную работу. Первый, второй приз, золотая, бронзовая медаль... Книжки, иллюстрированные ими, раскупаются мгновенно. Но когда художников спрашивают:

— А не причиняет ли ваша

совместная работа неприятностей?

Они отвечают:

— И еще сколько! Ведь мы и как люди в представлении окружающих давно слились в одного человека. Как-то пришел пригласительный билет на концерт: «Товарищу Кыштымову-Бениаминсону». На одного человека! По телефону Эрику позвонил приятель: «Ну, старик, я видел тебя по телевидению, ты просто гений перевоплощения, артист, я тебя не узнал...» «Спасибо, но выступал Боря...»

И все-таки, что ни говори, рисовать вдвоем — это прекрасно!

М. ШУМСКАЯ

ПОДАРОК

— Надо же, воды испугался! — Кулейша погладила коня по крепкой шее и несильно потянула поводья.

Гнедой фыркал и топтался на берегу.

Он только первый год ходил под седлом. Прежний конь Кулейши был послушным и добрым. Три лета он честно носил девочку из аула в горы, тяжело дыша поднимался на перевалы. Тревожно ржал, когда Кулейша, забравшись в самое настоящее облако, случайно подходила к обрыву...

Отец Кулейши, спешно собравшись, умчался в аул. В семье чабана ждали рождения ребенка. Отец очень хотел, чтобы это был мальчик. В чабанские способности Кулейши он не очень верил. Считал, что профессия чабана — мужская. Родится парень — вот и будет кому чабанский посох передать, как эстафету. Вслух он этого, конечно, не говорил. Заправляя фляжку свежим кумысом, буркнул:

— К ночи буду... Управляйся одна!

Овец в этих местах стараются пасти ночью. Днем жарко, и трава жесткая, как проволока. Отару Кулейша погнала ложиной вверх, чтобы к закату успеть подойти к загону, где было несколько полян. Впереди шли серке — так называют козлов, за которыми отара пойдет куда угодно. Сбоку — собаки. А сзади на молодом коне Кулейша.

...Гроза налетела внезапно. Подкралась к перевалу незамеченной, ударила дождем, порывистым ветром.

Собаки закружили вокруг овец. Серке испуганно прижались к валунам, а потом бросились врассыпную. Отара, как стекло, упавшее на камень, разлетелась вдребезги. Седло стало скользким, конь хрипел, и Кулейша, не удержавшись, упала в траву.

Откуда появился этот мальчишка, Кулейша не заметила. Она знала его — он учился в параллельном классе. Мальчишка схватил на бегу одного серке, заарканил второго, третьего. Приволок четвертого.

И отара, как снежный ком, начала расти.

Последнюю отбившуюся овцу нашли вместе у реки.

— Откуда ты взялся? — спросила Кулейша.

— С соседнего пастбища. Отец послал меня к твоему отцу. Гляжу — ты одна. Теперь придется ждать, не бросать же тебя...

Поздно вечером отец Кулейши привез радостную весть — родился братишка. Назвали его Алтыбек. О грозе Кулейша рассказывать не стала. К тому времени одежда на ней высохла. Овцы, поработав челюстями положенное время, тихо блеяли. Козлы гордо расхаживали вокруг.

Кулейша вместе с мальчишкой посмеивалась над их важностью. Они договорились, что теперь будут пасти овец вместе. Он научит ее стрелять. Она покажет, как плетутся крепкие шерстяные веревки... И они будут дружить — долго-долго, всю жизнь...

А через несколько дней он уехал в город к старшему бра-

Владимир СТЕПАНОВ

СТАНЦИЯ ЛОСЬ

Есть

рядом с Москвою

Станция Лось.

Название это,

Как эхо

Лесное.

Лосиное имя

Такое

Простое,

Как ветер,

Качающий ветви

Берез.

Вы только прислушайтесь:

Станция Лось...

ту. На все лето. И даже не предупредил. И на последнюю репетицию школьной агитбригады не пришел. Пробежал мимо, чуть заметно кивнул головой. В кармане у Кулейши остался платок, который она вышивала несколько вечеров подряд. Хотела подарить мальчишке, да так и не пришлось...

Вечером Кулейша снова пасла овец. Уже стемнело, прошел небольшой дождь. И на мокрой траве, как на речной заводи, заиграла лунная дорожка.

— Предатель! — сказала Кулейша и заплакала. А когда успокоилась, спросила Гнедо-го: — А может, он и не предатель вовсе? Может, у него

времени не было зайти? А платок я подарю, когда он вернется. Как думаешь?

Ничего пока Гнедой не понял. Он ведь только первый год ходил под седлом.

В. НОСОВ

Рисунок Т. Дмитриева

Чимкентская область,
кишлак «Белые воды»

НЕ САМАЯ ЛУЧШАЯ ДЕВОЧКА

Не самая лучшая
Девочка в доме.
Наверное,
скажут о ней.

Не самая лучшая
Девочка в доме...
Снега убегают с полей.
Не самая лучшая
Девочка в школе,
Учитель, наверно, вздохнет.
Не самая лучшая
Девочка в школе...
В лесу земляника цветет.
Не самая лучшая
Девочка в классе,
Ответит по парте сосед.

Не самая лучшая
Девочка в классе...
Осенний теряется след.
Не самая лучшая
Девочка в мире...
В окно постучал Новый год.
Не самая лучшая
Девочка в мире
В одежде Снегурки идет.
Не самая лучшая
Девочка... Знаю
И знает об этом весь свет.
Не самая лучшая
Девочка... Знаю.
Но лучше той девочки
Нет.

Рисунки А. Ковенчука

КИНОКЛУБ

О СЪЕМКАХ ФИЛЬМА
«ДЕСАНТ НА ОРИНГУ»
РАССКАЗЫВАЕТ
ЛАУРЕАТ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ПРЕМИИ
РЕЖИССЕР
МИХАИЛ ЕРШОВ

Перед вылетом съемочная группа «Ленфильма» получила полушубки и меховые унты. Направлялись мы к Байкалу, на западный участок БАМа.

Когда летели над заснеженными хребтами, артисты, осветители, гримеры припали к иллюминаторам самолета. Казалось — протяни руку и погладишь эти шапки снега на вершинах гор среди облаков.

Съемочная группа сильно озадачила строителей БАМа. Нам потребовались два бульдозера, вездеходы, вагончик и другие машины. А у строителей каждая на счету. Но все-таки бамовцы дали и машины и лучших водителей.

Съемки фильма начались в районе северного Байкала. В феврале вошли в тайгу. Было всего минус двадцать, по-весеннему светило солнце, стояла тишина.

Поднялись на перевал Даван. Задул ветерок, замела поземка.

— Прекрасная поземка! — решили мы. — Надо ее снимать.

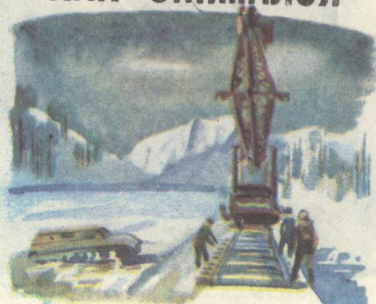
Артисты выскочили из автобуса, но через пять минут, дрожащие от холода, ввалились обратно.

— Невозможно... Невозможно ничего делать! Такой пронизывающий холод! Как люди в такую погоду здесь работают?!

Но вскоре и артисты привыкли работать на морозе. Бамовцы научили актеров водить

бульдозеры и вездеходы. И они уверенно вели тяжелые машины по бездорожью, по тайге. Рабочие БАМа нам во всем

КАК СНИМАЛСЯ

ФИЛЬМ?

помогали. Главному герою фильма потребовались для съемки настоящие, как у бамовцев, кожаные на молниях унты.

— Пожалуйста! — и один из них тут же на морозе разувается. А сам достает откуда-то из загашника старые валенки.

Нужно сыграть роль водителя? Молодой шофер садится за

руль и играет не хуже профессионального актера.

А когда понадобилось снять сцену, как бульдозер лезет по крутизне, срывается и скатывается вниз, опытный бульдозерист молча отодвинул артиста от машины, сам сел за рычаг и, проскальзывая гусеницами по оледенелому склону, повел бульдозер вверх по крутой скале.

Потом мы решили снять, как бригада укладывает пути.

Установили камеры, притащили осветительные приборы. Только хотели начать съемку, а путеукладчик уже проходит мимо.

Мы со своей аппаратурой забежали вперед. Пока тянули провода, подключали, выбирали кадр, глядь, путеукладчик уже опять проходит мимо. Кладет рельсы с платформы, их тут же гайками скрепляют, и он тотчас на них наезжает.

Тогда отошли далеко вперед, установили аппаратуру заранее, в расчете на высокую скорость бригады. И только тогда съемка удалась.

«Дедушка подарил мне магнитофон. Я тотчас пошел на улицу и записал, как лает наш пес Гренадер, мычит корова Машка, кудахчут куры в гнезде, как пилят дрова, трактор пашет в поле, жаворонок в небе поет. Вечером хотел записать, как плещут лебеди на речке, да не вышло. Я подумал, может мне стать звукооператором в кино? Но не уверен, стоящая ли это работа. Не могли бы вы познакомить меня со знающим человеком?»

Миша Грусланов,
Пермская область».

Мишино письмо мы показали звукооператору «Ленфильма» Ирине Николаевне Волковой, которая вот уже тридцать лет озвучивает фильмы.

Она рассказала:

— Звукооператор — всегда в поиске. Когда снимали «Новогодние приключения Маши и Вити» и записывали танец и песню ведьмы, режиссер Усов сказал:

— После каждого куплета ведьмы нужен какой-то звуковой акцент.

Я перепробовала множество звуков. Однажды записала карканье вороны. Этот звук и подошел.

Для фильма «Блокада» записывали вой бомбардировщиков, грохот бомб, бой истребителей, звуки пожара — горела изба, которую специально для съемок и построили. В моем шкафу накопилось более шестидесяти кассет с пленками звукозаписи.

Именно звук помог решить некоторые кадры. Помните первый боевой эпизод в «Блокаде»? Наша армия отступает, маленькая группа, несколько бойцов, встречает колонну немецких танков. Небольшой заслон, имеющий одну пушку и пулемет, дерзает ее остановить. Бой скоротечен и жесток. Вот как он был изображен в звуке. Сначала выстрелила пушка, потом застрочил пулемет. Передний танк поворачивает башню: кто смеет их остановить? Грохот мощного танкового орудия покрывает все. Затем ляг гусениц, которые проутюжили окопчик. И из этого звона и грохота возникает музыкальная мелодия — реквием.

Этот прием мы повторили. Наш дот встретил врага огнем. Вот защищаться уже нечем, и бойцы, чтобы не сдаться в плен, взорвали себя. И вновь звучит реквием бойцам, которые отдали свои жизни, чтобы защитить Родину от врага.

КИНОВИКТОРИНА

ИЗ ИСТОРИИ НАШЕЙ РОДИНЫ

Назовите эти фильмы и имена их создателей. О каких страницах русской истории они рассказывают!

КИНОВИКТОРИНА

ДРУЗЬЯ СКАЗКИ

«Сказки... Я даже сама не знаю, сколько их прочитала, сколько фильмов просмотрела за свои пятнадцать лет. Я не могу понять, как бы жила без них!»

Посмотрела фильм «Степанова памятка» и задумалась, а смогла бы я так долго, как Настенька, ждать своего любимого, найти его, вызвать своей любовью из цепких уз Хозяйки Медной горы? Сказки учат добру, смелости, большой человеческой силе. Сказки понимаешь не умом, а сердцем.

Оля Шершнева,
город Кизляр».

«Сказки помогают мне увидеть собственные недостатки. Я помню слова Пушкина: «Сказка — ложь, да в ней намек, добрым молодцам урок».

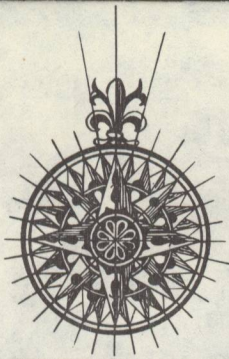
Мария Барановская,
поселок Павловка,
Нуримановский район, БАССР»

ОТВЕТЫ НА КИНОВИКТОРИНУ

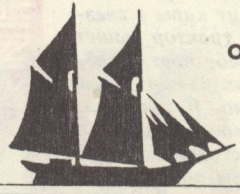
Многие ребята правильно назвали кинокартины, из которых были опубликованы кинокадры в декабрьском номере журнала за 1980 год: «Старик Хоттабыч», режиссера Геннадия Казанского, «Соловей», режиссера Надежды Кошеверовой, «Три толстяка», режиссера Алексея Баталова, «Степанова памятка», режиссера Константина Ершова. Интересно написали о сказке наши читатели: Трынова Лена (Суоярвский район), Чертулова Наташа (Пермь), Калягина Элина (Гурьев), Шангареева Валя (Уфа), Козорезова Люба (Тюменская область), Головенко Лена (Владивосток), Петренко Елена (Алмаатинская область), Малышенко Яна (Мурманск), Пожемакина Юлия (Новосибирск).

ПОБЕДИТЕЛЯМ ВИКТОРИНЫ ВЫСЛАНЫ ФОТОГРАФИИ КИНОАКТЕВ С АВТОГРАФАМИ.

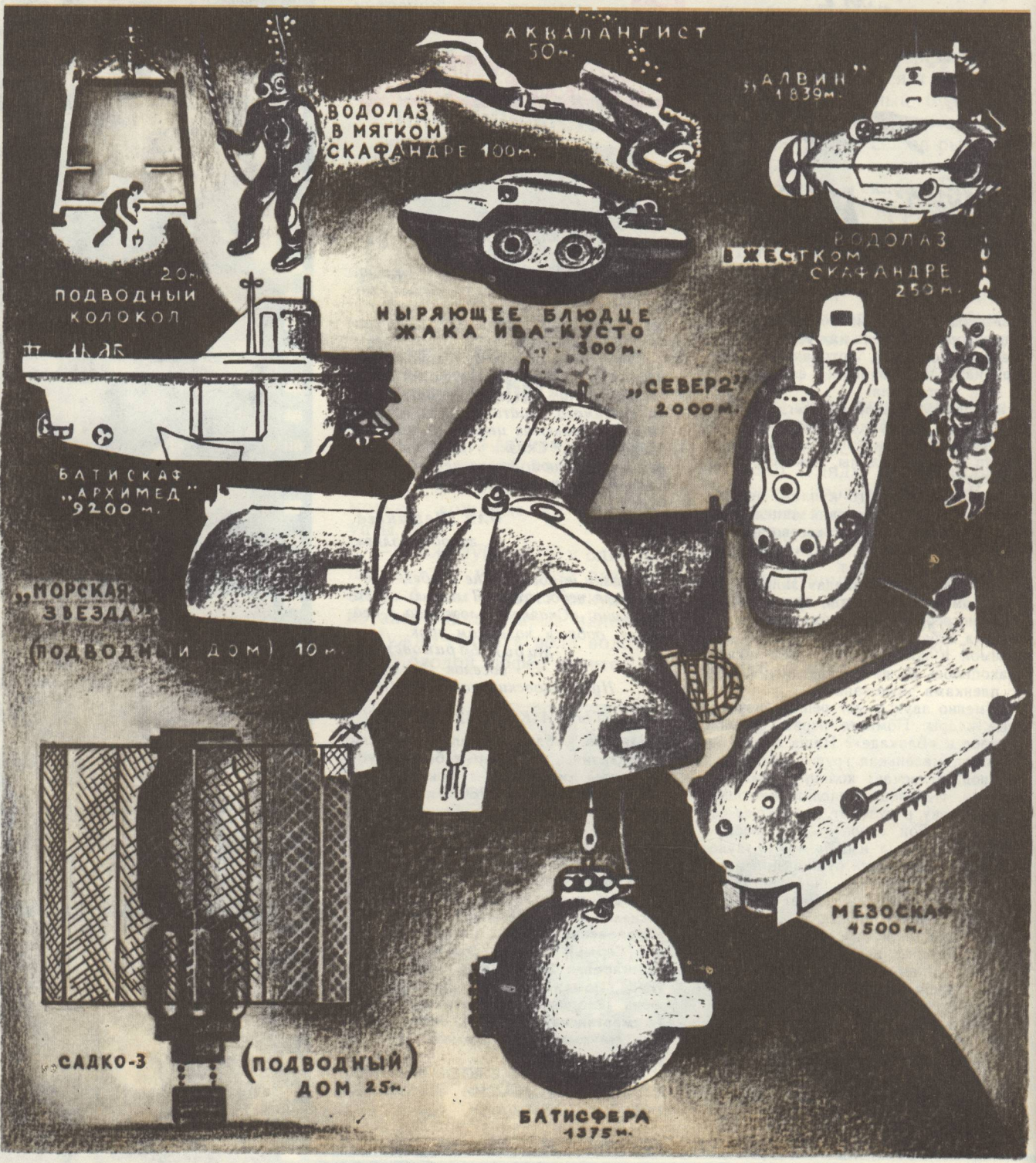

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
контр-адмирала
Н. В. СКОСЫРЕВА
Оформление Р. Попова
Год издания — 25-й

В ГЛУБИНЫ МОРЯ

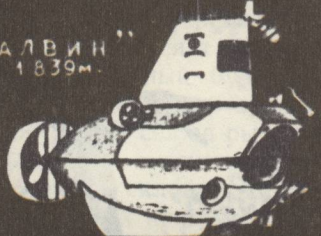

20-
ПОДВОДНЫЙ
КОЛОКОЛ

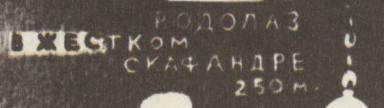

ВОДОЛАЗ
В МЯГКОМ
СКАФАНДРЕ 100м.

АКВАЛАНГИСТ
50м.

„АЛВИН“
1839м.

ВОДОЛАЗ
В ЖЕСТКОМ
СКАФАНДРЕ
250м.

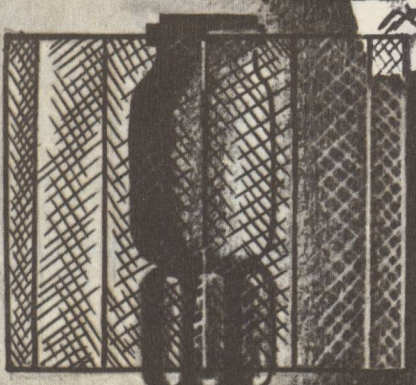
БАТИСКАФ
„АРХИМЕД“
9200 м.

НЫРЯЮЩЕЕ БЛЮДЦЕ
ЖАКА ИВА-КУСТО
300м.

„СЕВЕР“
2000м.

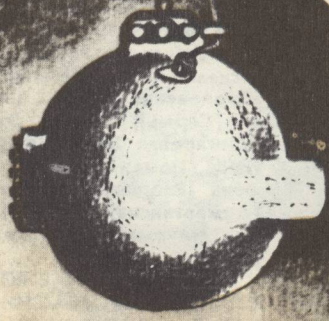
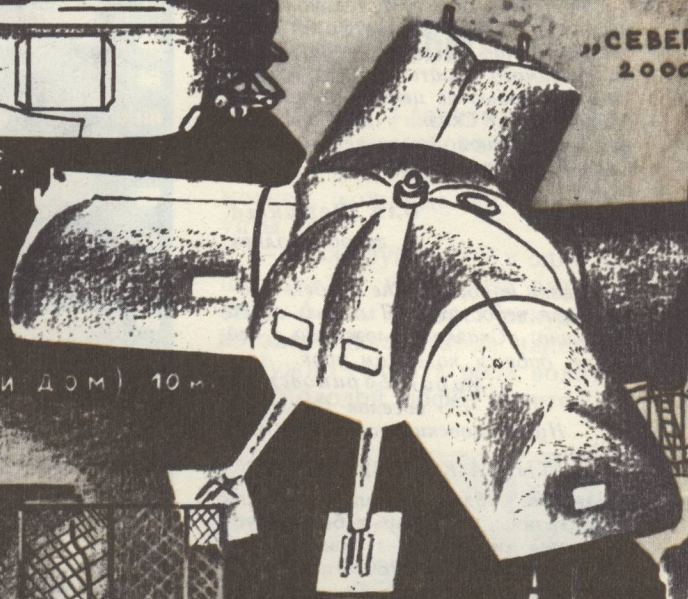
„МОРСКАЯ
ЗВЕЗДА“

(ПОДВОДНЫЙ ДОМ) 10м.

САДКО-3

(ПОДВОДНЫЙ)
ДОМ 25м.

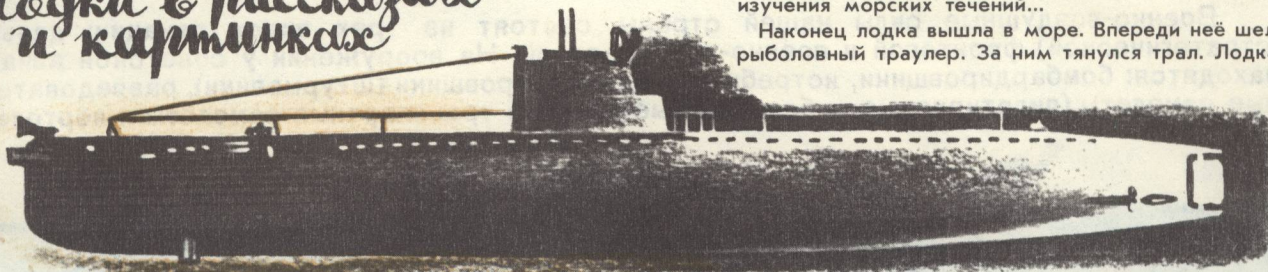

БАТИСФЕРА
1375м.

МЕЗОСКАФ
4500м.

История подводной лодки в рассказах и картинках

Научно-исследовательская подводная лодка „Северянка“

Однажды на боевую подводную лодку пришли люди мирных профессий: рабочие, инженеры, ученые. Они ходили по всей лодке и что-то отмечали на своих чертежах. — Здесь нужно прорезать бортовые иллюминаторы, — командовали инженеры, и рабочие брались за дело. — Здесь нужно поставить телевизоры, чтобы видеть, что делается под водой, а здесь — сильные прожекторы, чтобы

поднырнула под трал, и ученые прильнули к иллюминаторам. Они смотрели: что там делается? Как трал ловит рыбу? Удачна ли его форма? Много ли рыбы ускользает из трала? А потом ученые все рассказали рыбакам, и те усовершенствовали трал. Так бывшая боевая подводная лодка занялась мирным делом — изучением моря и морских животных...

освещать глубинных морских животных, — говорили ученые, и инженеры согласно кивали головами. — Здесь мы поставим умные приборы, чтобы записывать голоса рыб... А здесь — аппараты для изучения морских течений...

Наконец лодка вышла в море. Впереди неё шел рыболовный траулер. За ним тянулся трал. Лодка

НИКОЛАИ ВНУКОВ

ПАРУСА НАД ВОЛНАМИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

«ПАРУСА НАД ВОЛНАМИ»

Так назвал свою новую книгу писатель Николай Внуков. И те из вас, кого занимает история парусного флота и знаменитых капитанов прошлого, с интересом прочтут все четырнадцать рассказов сборника. Кого не взволнует героическая судьба «Авроры», брига «Святой Николай» или плавание фрегата «Паллада»? Вы совершите путешествие вместе с Христофором Колумбом, Джеймсом Куком, Иваном Крузенштерном, Василием Головинным, Руалом Амундсенем...

Узнаете и многое другое: как выглядели корабли, их парусное вооружение. А кого не увлекут полная приключений «одиссея» Дмитрия Афанасьевича Лухманова на барке «Товарищ» или похождения пиратов Джона Моргана и Мишеля Ле-Баска...

В книге, выпущенной издательством «Детская литература», много хороших точных рисунков художника Р. Яхнина. Прочитайте непременно эту книгу.

С. ЮРЬЕВ

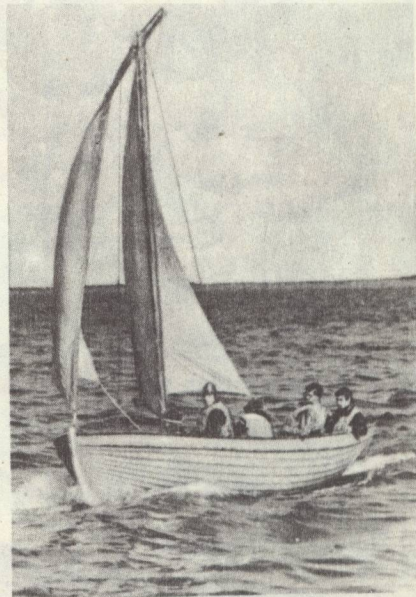
Дела морских клубов

У наших друзей, юных моряков из клуба «Алые паруса» в Комсомольске-на-Амуре, праздник: самый почетный приз — кубок «Тихий океан» — завоевала команда клуба.

Выиграть кубок было нелегко. Семь дней продолжались состязания по стрельбе, плаванию, кроссу, гребле и парусному спорту. Особенно трудными были двухдневные парусные гонки в Амурском заливе. Крепкий норд-ост развел большую волну. Все зависело от морской выучки ребят. И они пришли первыми!

«Морская газета» поздравляет победителей!

Парусные гонки

ВРАКИ — НЕ ВРАКИ, ИЛИ РАЗГОВОРЫ НА ПОЛУБАКЕ

— Вот послушайте-ка... Приплыли мы на один остров, а там куры цыплят выводят. Да сами-то не высидивают, а зароят яйца в кучи мусора и — знать про деток больше не хотят! Гуляют себе по острову! Цыплята сами выводятся! Вот какие родители...

— А мы видали и похуже... Однажды плывем с аквалангами и видим: большая рыбина, а рядом — куча мальков, её детки. Куда папаша, туда и они... Но вдруг — о ужас! — папа нас увидел и тут же всех детей от страха и проглотил...

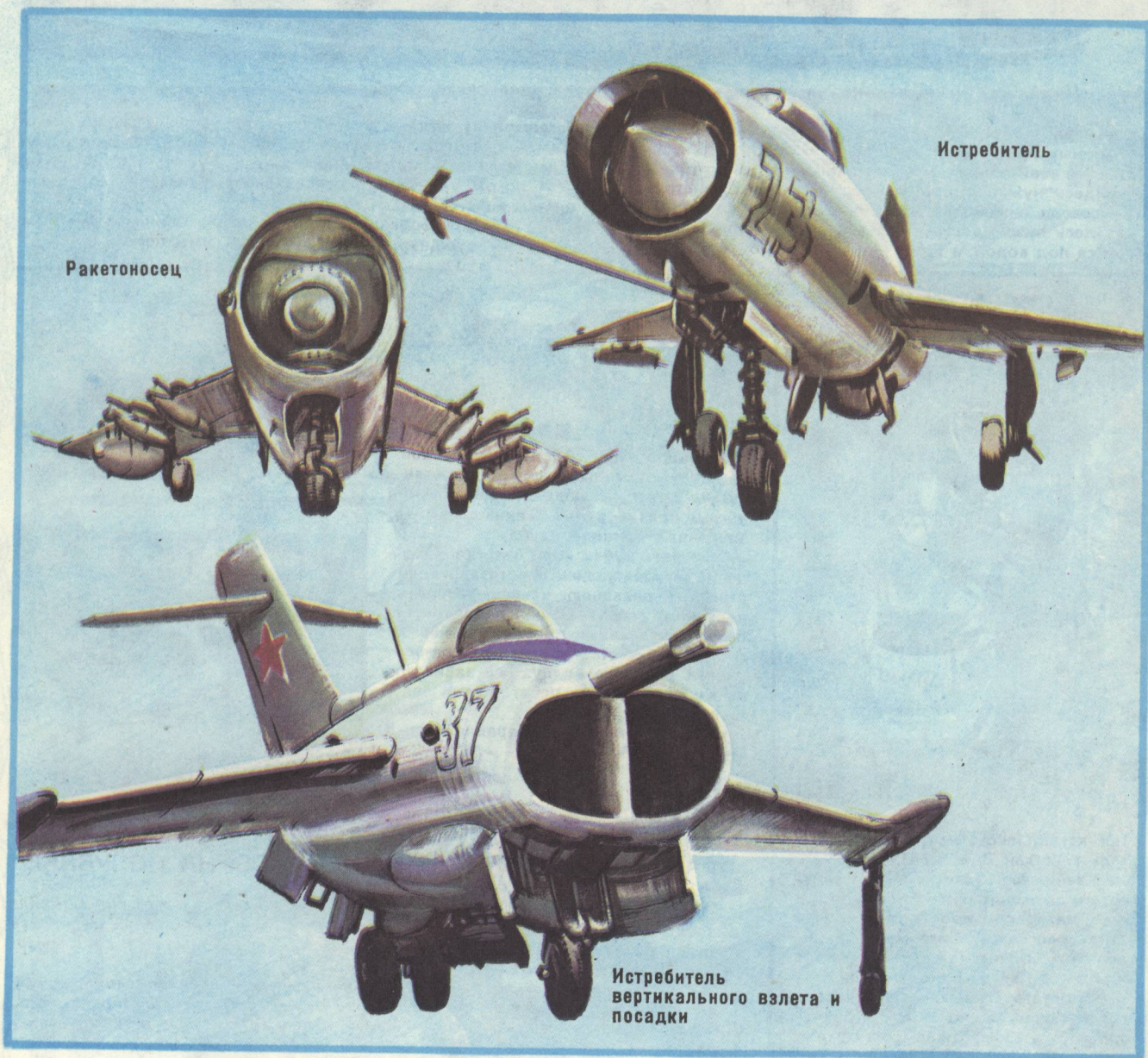
— Да... Только мы и не такое встречали! Идем однажды по берегу и видим: рыбы бегут! Мы — за ними. Они — от нас — прыг! прыг! — и на деревья... Так и удрали. Вот какие дела...

МОЖЕТ БЫТЬ, ЭТО И ВРАКИ, А МОЖЕТ, И НЕТ. ЭТО УЖ ПУСКАЙ ЧИТАТЕЛИ РАЗБЕРУТСЯ...

ШКОЛА БУДУЩИХ КОМАНДИРОВ

Военно-воздушные силы нашей страны состоят из трех видов авиации: дальней (стратегической) фронтовой и военно-транспортной. На вооружении у советской авиации находятся: бомбардировщики, истребители-бомбардировщики (штурмовики), разведывательные самолеты (пилотируемые и беспилотные), военно-транспортные самолеты и вертолеты.

ОДИН ПРОТИВ ДВАДЦАТИ

Летом 1943 года летчик старший лейтенант А. К. Горовец возвращался с боевого задания. Неожиданно он заметил сзади лавину фашистских самолетов. Не раздумывая, Горовец развернул свой ЛА-5 и стремительно понесся на врага. Он был один против двадцати «юнкерсов». Считан-

ные минуты длится воздушный бой. Минуты, ценою в жизнь. Вот уже восьмой «юнкерс» с пылающими бензобаками рухнул на землю, а советский летчик выводит свою машину в новую атаку. Девятый фашистский самолет «клюнул» носом и штопором повалился вниз. Девять сбитых самолетов в одном бою! Такого еще не знала история воздушных битв. За мужество

и отвагу Александру Константиновичу Горовцу было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

А потом, спустя много лет следопыты Белгородской области нашли останки героя. И теперь его партийный билет, орден Красного Знамени, гвардейский значок и пушка самолета хранятся в Центральном музее Вооруженных Сил СССР.

ИЗ ИСТОРИИ АВИАЦИИ

1808 г.

1815 г.

1781 г.

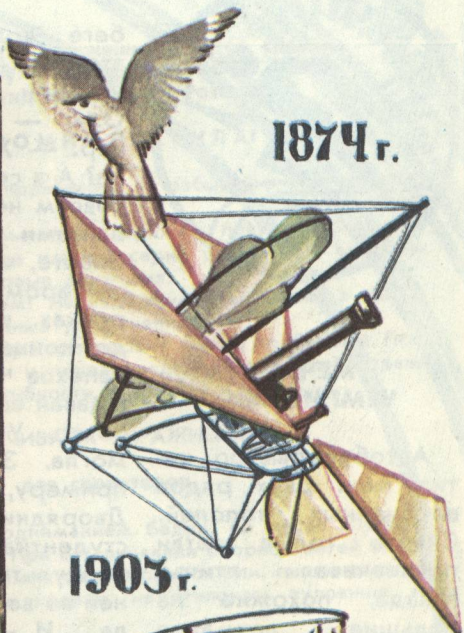

1709 г.

ВОЕННЫЙ СЛОВАРЬ

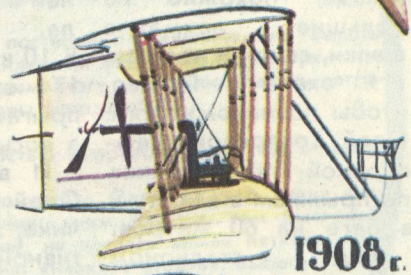
ЛЕЙТЕНАНТ — слово французского происхождения. В буквальном смысле означало офицера, замещающего своего начальника. Отсюда и двойные звания: капитан-лейтенант, генерал-лейтенант. В русской армии этому чину соответствовало звание «поручик».

В Советской Армии в 1935 году введены звания лейтенант и старший лейтенант, в 1937 году — младший лейтенант.

1874 г.

1903 г.

1908 г.

1909 г.

1910 г.

ПЕРВЫЙ В МИРЕ

В деревянной загородке из досок без крыши стояло странное сооружение: лодка с деревянными ребрами, обтянутыми материей. К лодке были прикреплены прямоугольные крылья, также обтянутые тонкой шелковой тканью. Дождь часто поливал и портил машину. Это был первый в мире самолет, построенный выдающимся русским изобретателем капитаном Александром Федоровичем Можайским. В 1885 году Можайский выкатил свой аппарат на поле и произвел испытания. Большую часть своей жизни посвятил он созданию летательного аппарата.

Задание

1. Сколько в нашей стране летчиков — Трижды Героев Советского Союза?
2. Когда впервые во время Великой Отечественной войны по столице фашистской Германии был нанесен бомбовый удар?
3. Что такое «летающая крепость»?
4. Когда появился первый реактивный самолет?

ВСЕСОЮЗНЫЙ СПОРТИВНЫЙ КЛУБ

МЕЧТА ЧЕМПИОНКИ

Автобус быстро катил меж двух рядов высоченных тополей. Сквозь голые ветви просвечивали птичьи гнезда, похожие на большие лохматые шапки, сшитые кое-как.

Я ехала в Гуково, чтобы познакомиться с Олей Токаревой, чемпионкой «Кузнечика» по прыжкам в высоту и в беге на 60 метров.

Над стадионом «Шахтер» всюду дул холодный степной ветер. Поле было черным и влажным. И я подумала: мало кому захочется сейчас тренироваться.

Но тренировка началась вовремя. Один за другим выходили на стадион ребята в спортивной форме. «Разминка!» — командовал тренер, и все ребята побежали гуськом — все быстрее и быстрее. «Спортзал реконструируется, — сказал, поглядывая на бегущих, Вячеслав Васильевич Солодунов. — Занимаемся только под открытым небом».

Девочка с очень сосредоточенным лицом высоко подкидывала в

беге коленки, делая это как-то особенно четко и изящно. «Это Оля, — сказал тренер. — Хороша, правда? А в секцию пришла совсем незавидной, талантами не блистала. Знаете, чем взяла? Характером. На тренировках выкладывалась до конца. От первых успехов не зазналась, а давай еще больше работать. Училась у кого могла. Занималась, к примеру, у нас Лиля Дворядкина, теперь студентка института физкультуры. Оля за ней во все глаза следила. И — переросла! В 10 классе Лилия брала 174 сантиметра, Оля прыгает так сейчас — в восьмом!»

И вот мы сидим с Олей в тесном сарайчике, заваленном спортивной утварью, — единственном крытом помещении детской спортшколы. «Твоя главная мечта?» «Стать мастером спорта, потом — тренером». И тут узнаю, что Оля давно помогает Вячеславу Васильевичу обучать малышей. И не только в секции. Дома занимается со своим пятилет-

ним племянником Юриком. Убеждена: он создан для высоты — длинноногий, тоненький, настоящий кузнечик! Уже показала малышу перекидной и фосбери-флоп. «Не рано ли?» Оля отвечает убежденно: «Надо бы раньше, да только сейчас маму Юрика угоривила...» Потом спохватывается: «Вы извините, Вячеслав Васильевич сердится, если мы на тренировке хоть одно упражнение пропустим...»

И ушла по мокрой беговой дорожке, на открытое всем ветрам поле стадиона, к своей мечте, о которой только что мне рассказала.

Л. ГНЕДОВСКАЯ

*Здравствуй,
„Кузнечик“!*

По-моему, очень важно уметь тренироваться и без тренера. Иногда у нас в секции вот как бывает: тренер дает план занятий, и по этому плану мы сами проводим тренировку. Кроме того, я запланировал свои результаты на 1981 год. Это очень интересно — следить, как выполняешь свой план.

Андрей Посыпайко,
Ростов-на-Дону

...В лагере я записалась в секцию, там прыгнула выше собственного роста. С дли-

ной хуже, никак не могу прыгнуть на 3 метра. Может быть, из-за того, что много прыгаю подряд, сбивается дыхание. И еще хочу сообщить, что завела специальный журнал, записываю туда свои результаты за каждый день.

Оля Спиридонова,
Владивосток

Моя мама очень волнуется, все спрашивает меня, как принимают в спортклуб, где будут проходить тренировки, придется ли ездить на соревнования? Я люблю бег и прыжки, и она опять волнуется — не много ли? А вообще-то она мне поступить в «Кузнечик» разрешила.

Лена Соловьева,
Ачинск,
Красноярский край

МЫ ПРИДУМАЛИ ТАК...

(Конкурс на лучшую спортивную эмблему)

Я нарисовала так потому, что эмблема, по-моему, должна быть веселой. Еще я считаю, что нельзя забывать про того, кто дал свое имя спортклубу, — про кузнечика.

Инна Добычина,
7-й класс,
школа № 170,
Ленинград

Думаю, чем проще, тем лучше. И вот я на-

рисовал голубой фон — небо, а на нем слово, которое, по-моему, скоро станет знакомым всем-всем спортсменам.

Ди.ма Качкаев,
5 класс, школа № 198,
Ленинград

**ЦЕНА
ОДНОГО
ОЧКА**

Что делает спортсмена выдающимся? Одни ребята говорят: талант. Другие добавляют: огромная работоспособность, неустанные тренировки. И почему-то порой забывают, что основа всему — характер спортсмена.

...Это случилось вскоре после Мюнхенской олимпиады, где Валерий Борзов показал себя поистине королем спринта, завоевав сразу две золотые медали — в беге на 100 и 200 метров.

В американском городе Ричмонде проходил зимний легкоатлетический матч СССР—США. Валерий бежал на втором этапе эстафеты. С первых же секунд он легко ушел вперед, как вдруг почувствовал: острая, ошеломляющая боль резанула бедро. Понял: порвал мышцу.

В таких случаях выход для спортсмена один — сойти с дистанции. Можно ли рисковать тем, что ты никогда не сможешь бегать и участвовать в соревнованиях?

Соперник уходил все дальше. Стало ясно: эстафета проиграна. Но если ее не довести до конца, команда вообще не получит ни одного очка и может проиграть не только эстафету, а весь матч.

И Валерий решил продолжить бег.

Каждый шаг был нестерпимо тяжел и давался все трудней и трудней. Олимпиец уже не бежал, а почти ковылял. И зал, ликовавший по поводу победы своих соотечественников, понял, что произошло, и стал негромко аплодировать — Борзову. Когда же Валерий закончил свой этап и, передав эстафету, рухнул на чьи-то руки, — в зале разразилась буря аплодисментов. Так люди отдали дань мужеству и самоотверженности советского спортсмена.

...Травму, к счастью, удалось вылечить. Победный путь олимпийского чемпиона продолжался.

СОВЕТ СПОРТКЛУБА НАПОМИНАЕТ

В сборную команду СК «Кузнечик» могут войти только те спортсмены, которые до 1 ноября этого года пришлют выписки из протоколов соревнований. Выписки должны быть заверены школьной печатью и подписью тренера или учителя физкультуры.

Прием в спортклуб продолжается. Условия приема — в «Костре» № 3.

Занятие ведет заслуженный мастер спорта,
заслуженный тренер СССР
Эдмунд Исидорович Рохлин

ЗАПОМНИ ПРАВИЛА!

Выполняя новые упражнения, не забывай о тех, которые уже знаешь.

Все упражнения выполняй сериями, повторяя серии по несколько раз. После каждой серии расслабься, встряхни мышцы, сделай маховые движения.

Следи за дыханием! Не задерживай его даже в самых трудных и напряженных упражнениях.

Начинай и заканчивай тренировку легкой пробежкой. После первой пробежки и перед последней проделай упражнения на развитие гибкости.

РАЗУЧИВАЕМ УПРАЖНЕНИЯ

для спринтеров

Бег с высоким подниманием бедра, на месте и с продвижением вперед. При отталкивании опорной ногой бедро маховой ноги поднимается до горизонтали, плечи расслаблены. Не разводите колени, не отклоняйте туловище, не поднимать плечи!

«Семенящий бег» с постепенным увеличением высоты поднимания бедра и усилением беговой работы рук — до полного бега с ускорением. Нogu на землю ставить загребующим движением стопы («под себя»).

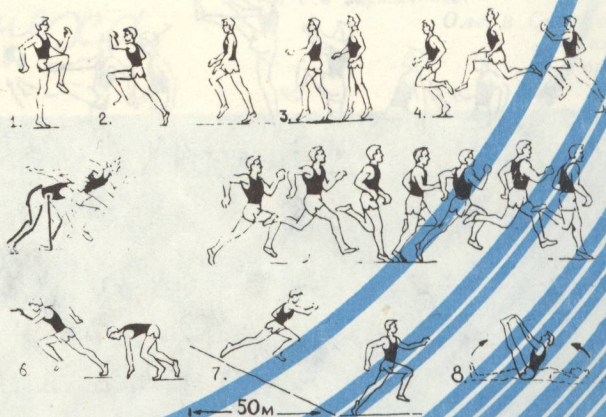
Бег толкаясь стопой.

Бег прыжками. Полностью выпрямляй ногу при отталкивании!

Ускорение с высокого старта. Запомни, что девиз всех упражнений на ускорение: «чем дальше, тем быстрее!» Бежать на высокой стопе, не касаясь земли пяткой.

Привыкай к положению «низкого старта». Выбегание, отталкиваясь впереди стоящей ногой.

Ускорение до 50 метров — под небольшой уклон.

Лечь на спину. «Сложиться», поднимая ноги и туловище так, чтобы пальцами рук коснуться носка стопы. Делать в произвольном темпе по 5—6 раз.

Быстрый бег нужен не только спринтерам, но и прыгунам — особенно в длину. Поэтому эти упражнения должны выполнять все «кузнечики».

ТРЕНИРОВКА

для прыгунов в длину

Бег — с прыжком на 3-м шаге. Прыгай, толкаясь вверх, полностью выпрямляя толчковую ногу.

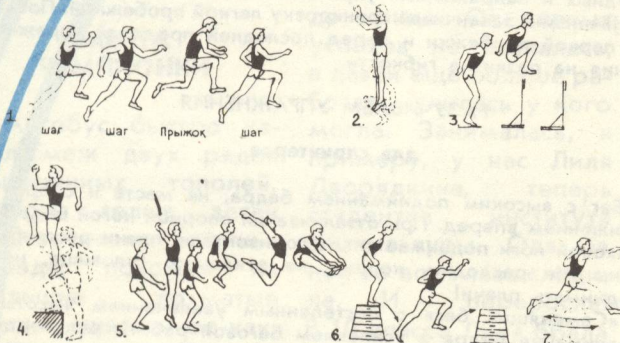
Выпрыгивания на двух ногах.

Прыжки на двух ногах через препятствия (до 10 прыжков подряд).

Выпрыгивания вверх с опоры (она должна быть чуть ниже колен: пенек, гимнастическая скамейка и т. п.). Толчковую ногу ставить передней частью стопы.

Выпрыгивания на двух ногах. В полете подтянуть колени к груди, во втором — прогнуться, в третьем — сложиться, достав руками носки ног.

Прыжки с опоры на опору. Прыжки с разведением ног в полете.

для прыгунов в высоту

Прыжки с 3—5 шагов — доставая подвешенный мяч головой, коленом маховой ноги.

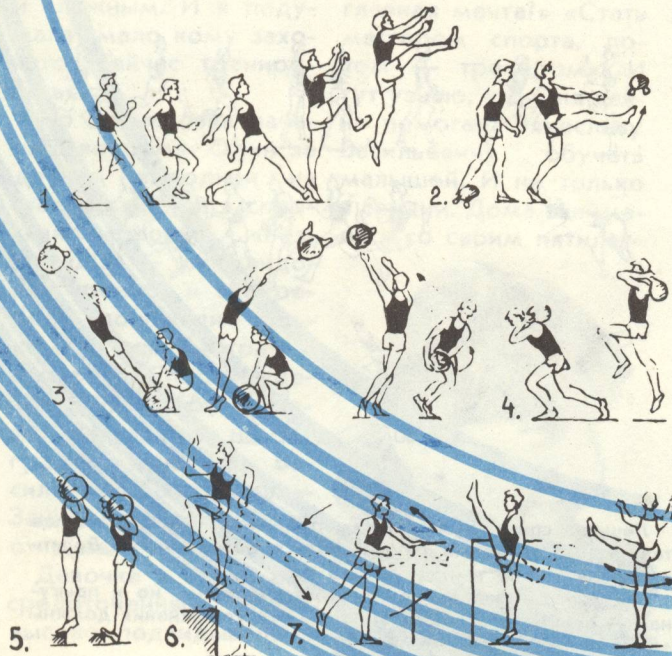
Метания маховой ногой мешочка с песком (2—3 кг).

Выпрыгивания с отягощением (мешочек с песком).

Упражнения для стопы.

Выпрыгивания с высокой опоры — сериями, по 5—6 отталкиваний на каждую ногу.

Маховые и круговые движения ногами — сериями по 10 движений, меняя их направление.

«Раньше я писала все время с ошибками, но мне очень помог орфографический словарь».

Из почты
Учителя смеха

ОРФОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

На прашлагодние ашипки
Сматреть мне трудно без улыбки.
Вновь потиплело в дикабре.
Запахло сенам на дваре.
Пешу я лучче многих в классе.
Мне падарил падарок Вася:
Я изучяла весь енварь
Арфаграфический славарь.

Орфографический словарь!
Я изучала весь январь!
Мне подарил подарок Вася!
Пишу я лучше многих в классе!
Запахло сеном на дворе!
Вновь потеплело в декабре!
Смотреть мне трудно без улыбки
На прошлогодние ошибки!

Письмо комментировал
Михаил ЯСНОВ

Нет, совсем несправедливо
Называть меня ленивым:
Ведь нисколючко не лень
Мне лениться каждый день!

Валерий НЕСТЕРОВ

« КОНКУРС „ И ВСЕ ЗАСМЕЯЛИСЬ!... “

На уроке истории Ирина Александровна вызвала одного ученика и попросила:

— Сережа, расскажи нам, что ты знаешь об Александре Македонском.

Сережа кое-как пересказал сведения из учебника. Когда он закончил, учительница сказала:

— Ты не упомянул о том, как он учился.

— Ах, да, — ответил Сережа. — У А. Македонского было образование десять классов!

И все засмеялись.

Люда Васильева,
Ачинск

Это было еще в первом классе. Учительница нам прочла задачу: «В клетке сидели две птицы. Одна улетела. Какое нужно произвести действие, чтобы решить задачу?»

Петя сказал:

— Нужно ее поймать!

И все засмеялись.

Виталий Сарычев,
5-й класс,
Новокузнецк

ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ!

Некоторые читатели «Веселого звонка» спрашивают — можно ли еще послать свои рассказы на конкурс «И все засмеялись»? Ответим: можно! По предложению Юры Кротова из города Тольятти наш веселый конкурс мы решили сделать **ПОСТОЯННЫМ**. А когда же будут известны победители! Итоги конкурса мы будем подводить ежегодно. В конце каждого года, накануне новогодних праздников будем присуждать призы самым остроумным авторам.

Итак, юмористы, ждем от вас новых смешных рассказов! Только, пожалуйста, не поступайте так, как сделал «автор» из Баку Виталий К. Он так написал: «Дорогая редакция! Я посылаю вам три моих рассказа с последней фразой «И все засмеялись!» Но в конверте почему-то рассказов шестиклассника Виталия не оказалось. Вместо них мы нашли переписанные без ошибок и помарок три рассказа... известного ленинградского писателя Виктора Голявкина! Правда, фраз «И все засмеялись» у Голявкина не было. Их «придумал» Виталий К.

Еще раз обращаюсь к авторам: не списывайте! Сочиняйте сами! Да и сочинять особенно не нужно: вспомните, сколько смешных случаев происходило у вас на уроках, во время каникул, в пионерских лагерях!

Конкурс «И все засмеялись» продолжается. Желаю успеха!

Учитель
смеха

Ребята шли из школы и продолжали спор, начатый еще в классе. — Вот ты, Ира, все говоришь об отличной учебе, — сказал Игорь, — а тогда скажи, что нужно, чтобы стать отличником?

— Максимум внимания на уроке, максимум трудолюбия...

— Все максимум и максимум, — проворчал Игорь, — хоть бы какой-нибудь минимум попался!

— И минимум лени... — закончила Ира.

И все засмеялись.

Лена Покровская,
6-й класс,
пос. Куркино,
Тульской обл.

Все мы учились делать овощной салат. Урок уже подходил к концу, когда Кира вдруг пожаловалась учительнице:

— Мария Викторовна, а Маша съела мою работу!

И все засмеялись.

Олеся Светлова,
5-й класс,
Горький

Из неполного собрания школьных сочинений

Сестра стояла хмурая, нагнув лоб набекрень.

Бывки жавотное с двумя рогами, это похоже на корову.

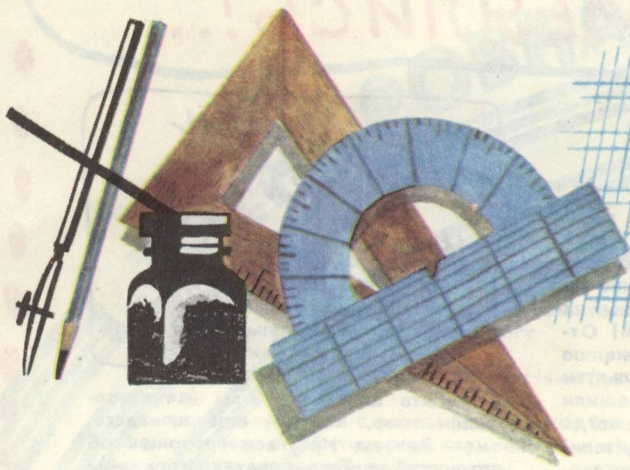

Рыбаки варили уху вместе с той-ко той пойманной рыбой

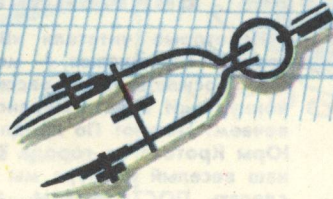
Алёша Пешков приехал в Нижний к дедушке, где он подружился с бабушкой...

В Австралии живут различные крызуны, утконосы и ехидны.

Наина Самойлова (Кизел Пермской обл.), Валера Т. (Вишневы Киевской обл.), Надя и Света (с. Кутки Воронежской обл.), Таня Веретчак (с. Петровское Ворошиловградской обл.), Наташа Печёнкина (Миасс)

КОНТРОЛЬНАЯ

Каждый человек имеет право на плохое настроение. А если с утра дождь, если проспала и не успела позавтракать, если перед самым школьным порогом чуть не упала, запнувшись за проволоку, — откуда взяться хорошему настроению?

И конечно же, именно в этот день невезения контрольная по самому нелюбимому предмету — черчению. И конечно, Нине досталась самая трудная деталь — какая-то овальная, с выемкой, да еще восемь дырок! Нина мучилась с ней минут пятнадцать, а потом нетерпеливо подняла руку:

— Галина Николаевна, дайте мне другую деталь. Я не могу эту начертить!

— Это же контрольная, — удивилась учительница. — Постарайся.

— Не могу! Дайте другую! Ребята отвлеклись от чертежей и с любопытством прислушивались.

— Деталь как деталь, — угаривала Нину учительница, — такая, как у всех.

Но Нину будто с горки понесло.

— Не буду чертить! — она дернула плечом и резко отодвинула деталь на край стола. Та с шумом упала на пол.

— Я поставлю тебе двойку за эту контрольную, — негромко сказала Галина Николаевна и, наклонившись, подняла деталь.

В классе повисла напряженная, звенящая тишина. До са-

мого конца урока Нина так и просидела, упрямо сжав губы, уткнувшись взглядом в едва начатый чертеж...

Дело совсем не в том, что Нина была отличницей и никогда не получала двоек. И даже не в том, что еще с прошлой весны она стала ответственной за успеваемость в классе. В конце концов, разве отличники — не люди, и не могут иногда схватить самую обыкновенную двойку? А дело в том, как появилась эта двойка и когда.

В первые сентябрьские дни был сбор отряда. Ребята говорили о том, что пора готовиться к вступлению в комсомол. И решили они проверить сами себя: так прожить два месяца до дня рождения ВЛКСМ, чтобы потом на эти дни можно было развяться целый год.

После сбора началась у семиклассников трудная жизнь. Весь отряд старался забыть, что такое тройки. Строгая Ира Сычова не спускала глаз с «трудного» Вити Емельянова. Девочки раскопали в соседнем учреждении целые залежи макулатуры, а мальчишки возмущенно кричали: «Вы почему сами такую тяжесть таскаете? Тяжести — это наше мужское дело!»

А работа с подшефными четвероклассниками, которые теперь уже сами стали вожатыми у первоклассников, а специальный выпуск газеты про ученого Павлова...

И вот эта история с двойкой...

Очень переживала Нина. Так подвела весь отряд! Как теперь поступят ребята? Устроят после уроков сбор и всыпят, как следует? Или вызовут на совет отряда? Нарисуют карикатуру в стенгазету? Вон Оля Крюкова попробовала как-то покапризничать на физкультуре — ох, и сурово же разговаривали с ней ребята!

— Хочешь пирожка? — самым обыкновенным голосом спросила у нее Лена Шаповалова на перемене. Нина только головой мотнула — не до того...

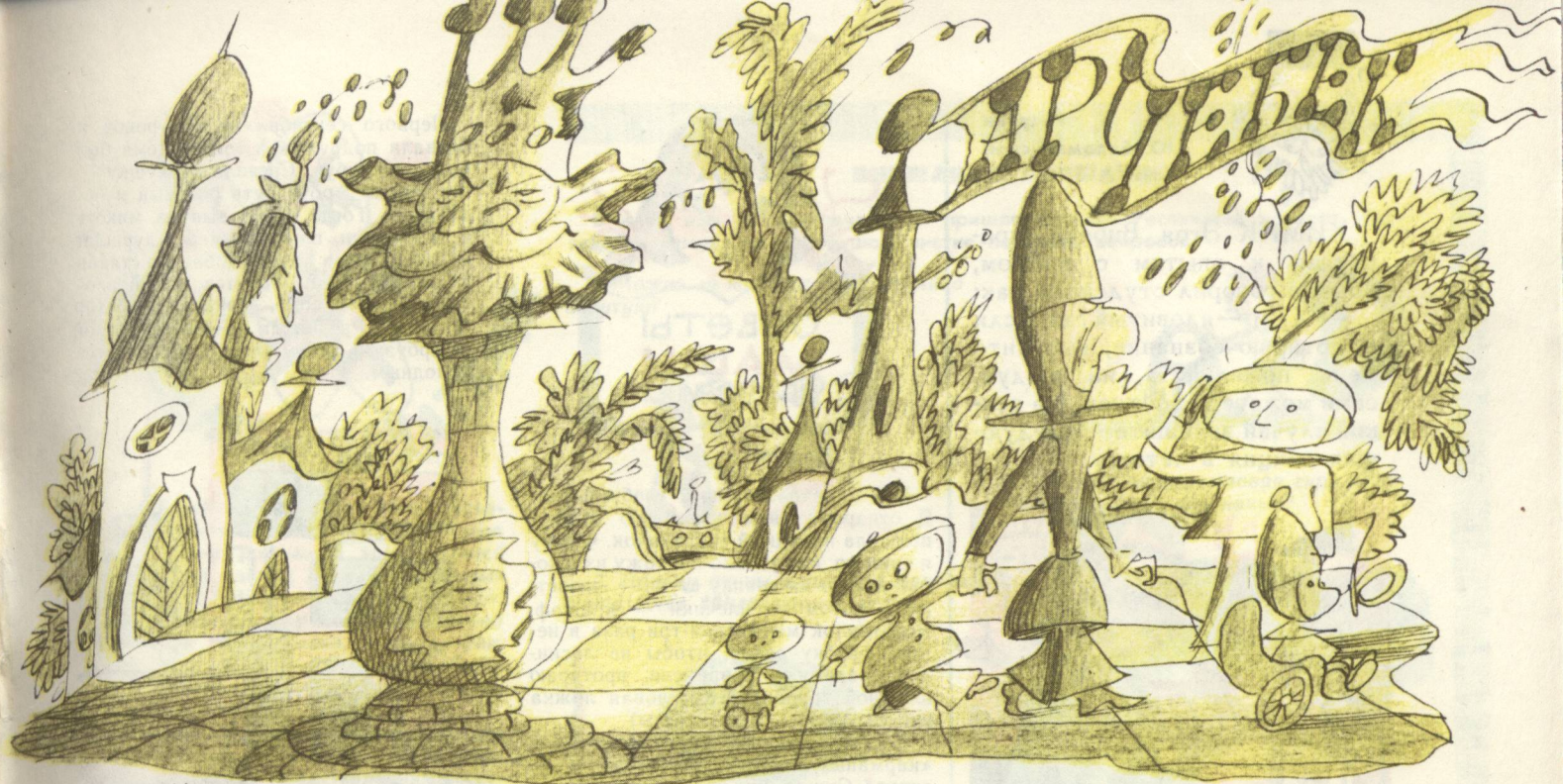
— За макулатурой сегодня идем? — как ни в чем ни бывало подошли ребята после уроков к ее парте.

— Почему они все молчат об этой двойке? — думала Нина.

А в этом молчании ничего странного не было. Оно тоже было наказанием. Но таким, какое может позволить себе только дружный, умный, хороший отряд. Ребята из этого отряда знали, что не всегда нужны сердитые слова и обсуждение на сборе. Иногда нужнее, чтобы человек сам разобрался в себе...

И никто не говорил Нине, что она должна извиниться перед Галиной Николаевной. Она сама извинилась. И трудный чертеж в конце концов получился...

И. МЕЗЕНЦЕВА

9-й ТУР ЧЕМПИОНАТА

Кто из разведчиков достоин четвертого разряда? Кто — третьего? А кто — даже второго? Это установит сегодняшний тур!

ШАХМАТЫ.

А. (А. Гришин, с. Ермоловка). Белые: Крс3, Фа3, Лf1; черные: Крh2, п.g3.

Б. (А. Гришин). Белые: Крb2, Сf8, Сg6, Кс1, Кh6; черные: Крh8, п.b4.

В. Белые: Крf4, Сс4, Кс8, Кf6, п.g3; черные: Крh8, п.h7.

Г. (Г. Поздняков, Ленинград). Белые: Крb1, Са5, Кс5, п.а2, f2; черные: Крг5, Фе5.

Д. Белые: Крг2, Кс8, п.b5; черные: Кра8, п.c7.

Е. Белые: Кра4, Сс2, п.g5; черные: Крb2, п.g7.

Цель разведки. А — объявить мат в 3 хода, **Б** — в 4 хода, **В** — в 5 ходов, **Г** — показать, как белые выигрывают, **Д, Е** — определить, могут ли белые выиграть или нет.

РУССКИЕ ШАШКИ.

А. (Д. Калинин, Ленинград). Белые: с3, d4, е5, g3; черные: а3, b8, d8, е7.

Б. (Д. Калинин). Белые: с1, е1, g1; черные: b4, d4, h4.

В. (Д. Калинин). Белые: а7, f4; черные: b8, d2, f2.

Г. (Д. Калинин). Белые: с3, е3; черные: а7, b8, е5.

Д. (С. Похвалитов, Симферополь). Белые: b2, с1, е1, е3, f2, f4; черные: с3, с5, d4, d6, d8.

Е. (С. Похвалитов). Белые: d4, е1, е3, е5, f4, g1, g3, h4, h6; черные: b2, b4, с3, с7, d8, f6, f8, g7, h2.

Цель разведки: А, Б, В, Г — установить, если ли у белых путь к спасению, **Д, Е** — выявить, могут ли белые одержать победу.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ШАШКИ.

А. (В. Кубышкин, Ленинград). Белые: 24, 29, 33, 34, 38, 42, 43, 47, 49; черные: 8, 9, 15, 17, 20, 22, 25, 27, 31.

Б. (С. Похвалитов). Белые: 14, 21,

24, 30, 32, 33, 37, 38, 41; черные: 3, 5, 10, 12, 16, 22, 27, 35, 40.

В. Белые: 27, 28, 32, 35, 37, 38, 44, 45; черные: 9, 11, 12, 17, 19, 23, 26, 34.

Г. Белые: пр. 15; черные: Д.47, пр. 26, 41.

Д. Белые: пр.11; черные: пр.2, 37, 45.

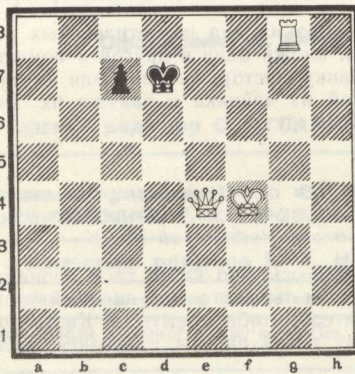
Е. Белые: Д.4; черные: Д.26, пр.32, 38, 39.

Цель разведки: А, Б — обеспечить белым выигрыш, **В** — белые сыграли тут 44—40. Лучший ли это ход? И если — нет, то как следовало играть? **Г, Д, Е** — определить, есть ли у белых возможность спастись.

ОТВЕЧАЕТ ПЕШКОЕДОВ

«Какая разница между цейтнотом и цугцвангом?» — задал вопрос Вадим Козлов. Разъясню. Сначала о цейтноте.

Цейтнот — это нехватка времени на обдумывание ходов. В турнирах время для раздумий ограничивается. Скажем, на 40 ходов игроку предоставляется 2 часа. Если у него это отпущенное время истекло, а положенное число ходов он не сделал, ему засчитывается поражение. Когда игрок в начале слишком долго обдумывает ходы, то на обдумывание остальных ходов у него остается мало времени — он в цейтноте.

А теперь о цугцванге. Цугцванг — такое положение, в котором невыгодно делать очередной ход. Например, белые: Крe1; черные Крe3, п.d3. Если ход белых, то именно по этой причине они проиграют (1.Крd1 d2 2.Крc2 Крe2). Ведь будь ход черных, белые бы спаслись. Так? Значит, белые в цугцванге.

Прием цугцванга часто применяется в композиции (см. диаграмму).

Как дать мат в 2 хода? Играя 1.Крe5!, белые создают у черных цугцванг: угрозы мата им нет, но они должны сделать ход и только из-за этого получают мат.

ЗАДАНИЕ РЕЗЕРВУ

Расставь фигуры так — белые: Крf1, пп.b4, f7; черные: Крh1. Тут ход белых. Играя ими, ты, конечно, без труда объявишь черному королю мат в 5 или даже в 4 хода. Верно? А вот Коля Сергеев уверяет, что он бы в таком положении объявил мат в 3 хода. Ошибается он или нет?

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Задачи в «Костре» № 6 решаются так:

Чемпионат. ШХМ. А. Мат в 3 хода дать можно — 1.Ла3! с3 2.Лс2! **Б.** Белые выигрывают — 1.Крf3! b5 2.e4 b4 3.Крe2 b3 4.Крd1! Убедитесь сами, что только этот ход ведет к победе.

РШ. А. 1.g3! 2.ed6! 3.b6X. **Б.** 1.d2 2.bc3! 3.e5! 4.c3X.

МШ. А. 1.2! 2.33!X. **Б.** 1.24! 2.7!X.

Задание резерву. 1.Ф:a7+!

Стол находок. Если 3... Ла1, то 4.Крf4! Лf1+ 5.Сf2! Л:f2+ 6. Крe3.

ПРИКАЗ № 9

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕК-КОМ, приказываю:

§ 1. Всем арчебековцам отослать рапорты до 1 декабря.

Шахмат-адмирал Ферзьбери

Рисунки
Ю. Беломлинской

ХИМИК Эгон Виберг, приступая к опытам с хлором, обычно говорил студентам так: — Хлор — ядовитый газ. Если я потеряю сознание, вынесите меня, пожалуйста, на воздух, сами можете разойтись. На всякий случай запишите — следующая лекция в четверг.

ОДНАЖДЫ в квартире известного ученого-египтолога Франтишека Лекса раздался телефонный звонок.

— Это квартира Лекса? Вы заказывали уголь для отопления? Какой у вас адрес?

— Видите ли, моя специальность — древний Египет, — ответил ученый. — Минуточку! Сейчас я позову жену.

ИСПАНСКИЙ писатель Бласко Ибаньес как-то остано- вился у доски с объявлениями. Но забыл дома очки и, как ни старался, ничего прочитать не смог.

— Не поможете? — обратился он к пожилому, бедно одетому мужчине, стоявшему рядом.

— Увы! — ответил тот, вздохнув. — Я такой же неграмотный, как и вы.

Вот и начался новый учебный год. Я отпарила свою школьную форму, пришла нарядный воротничок. Форму я снимаю, как только прихожу из школы, вешаю на спинку стула — проветрить, потом на плечики — в шкаф. Воротничок меняю два-три раза в неделю. Юбку сзади, чтобы не лоснилась, время от времени протираю влажной тряпочкой (столовая ложка уксуса на полстакана воды).

В своем рабочем уголке я повесила «карманы», которые ты видишь на рисунке. Сшила их из плотной ткани, а отделала ситцем. Размеры продумала в зависимости от предметов, для которых они предназначены: линейек, ножниц, клея, кистей, блокнотов. Рядом нарисованы «карманы» для платяного шкафа. Сверху защиты обычные плечики. В таких карманах удобно хранить разные мелочи: носовые платки, носки и чулки, воротнички. Для ванной «карманы» можно сшить из клеенки или полиэтилена. Мама обрадуется такому подарку.

МАША ОТВЕЧАЕТ

Осенью многие ребята занимаются поделками из природного материала. Обычно это желуди, шишки, орехи. Меня очень порадовала своей необычностью посылка от Раи Мустонен из Петрозаводска. Она прислала забавных зверей из... репейника. Его цепкие шарики хороший материал для «лепки».

— Мы с мамой каждую осень немного солим грибы. Но в банку никакой груз не лезет, и рассол высы- хает... (Лена Яскевич, Ленинград).

— Возьми два полиэтиленовых па- кета, вложи один в другой и помести в банку. Осторожно заполни пакеты водой из чайника и завяжи их. Вот тебе и груз.

— Чем отмыть засохшую в масля- ной краске кисть? (Гена Касмынин, г. Сальск Ростовской обл.).

— Боюсь, что кисть твоя пропала. Вряд ли ты достанешь сильный рас- творитель, чтобы отмыть ее. Кисть мой сразу после работы в бензине. Если

работа не закончена, можешь держать кисть в банке с водой. В картонном кружке прорежь отверстие и вставь кисть, чтобы она не опускалась на дно и не загибался ворс.

Рая Залмаева из Донецка спраши- вает, можно ли делать конфеты дома.

Предлагаю один оригинальный ре- цепт. Яичный белок с мелким сахар- ным песком разотри добела, добавь немного лимонного сока и размешивай, пока масса не загустеет. Обваляй в этой массе клюкву и положи сушить на блюдо, смазанное сливочным мас- лом.

— Я посадила чернильное пятно на скатерть...

— Место, запачканное чернилами несколько раз опусти в горячий уксус и застирай в мыльной воде. Свежие чернильные пятна сходят от натирания соком лимона или лимонной кислотой. Потом их тоже промывают в мыльной воде.

Рисунки Т. Петуховой

В одной из индусских книг, посвященной математике и написанной еще в III веке до нашей эры, имеется такой ряд единиц длины, из которых каждая в 7 раз меньше предыдущей: сустав пальца, зерно ячменя, зерно горчицы, зерно мака, пылинка-бык, пылинка-баран, пылинка-заяц, большая пылинка, средняя пылинка, малая пылинка, атом.

Считая сустав пальца равным трем сантиметрам, попробуйте найти величину атома по представлениям индусов. Кстати, она будет приблизительно соответствовать современным вычислениям размера атома.

В своем сочинении «История греко-персидских войн» древнегреческий историк Геродот, рассказывая о своем путешествии по Египту, писал: «Перед плывущим по течению кораблем египтяне опускают в воду вертикально и перпендикулярно течению доску».

Объясните, какую роль играла доска, если она опускалась в воду лишь при сильном встречном ветре?

В какой чайник можно налить больше воды — в высокий или в низкий?

Оформление А. Януса

ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ!

В клуб «За семью печатями» пришло письмо. Распечатав конверт, Разгадка увидел на небольшом листке перечень вопросов.

1. Можно ли на Марсе сварить яйцо вкрутую?

2. Почему птицы в сильные морозы чаще всего вымерзают на лету?

3. Когда килограммовая гиря весит больше — днем или ночью?

4. Можно ли стрелять из револьвера на дне океана?

5. Что тяжелее — тонна железа или тонна дерева?

А в конце письма была приписка: «Самого мудрого, ответившего на мои вопросы, ожидает награда».

Хранитель тайн.

— Ну что ж, — сказал Разгадка. — С помощью членов клуба мы быстро решим задачи Хранителя тайн. Пусть только ребята поторопятся с ответами.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИЯ № 8

Вопросы Разгадки: виктория регия, сейшельская пальма, мох-сфагнум, кактус анданте.

Ходом шахматного коня: гусиный лук.

Картина-ребус: берегите лес.

Главный редактор С. В. САХАРНОВ

Редакционная коллегия:

Г. В. БАЛУЕВ, Л. А. БОГАЧУК [зам. главного редактора], Л. С. КОКОРИНА (отв. секретарь), О. П. ОРЛОВ, А. И. ПАНТЕЛЕЕВ, Л. Н. ПОЖИДАЕВА, Р. П. ПОГОДИН, Е. В. СЕРОВА, Н. И. СЛАДКОВ, Г. П. ЧЕРНЫЙ, Г. М. ЧЕРНЯКОВА

Художник-редактор А. Н. АЗЕМША

Технический редактор В. И. МЕЦАТУНОВА

Корректор М. Е. РОШАЛЬ

Адрес редакции: 193024, Ленинград, ул. Мытнинская, 1/20, телефон: 274-15-72

М-15212. Сдано в набор 05.06.81. Подписано к печати 07.08.81. Формат 60×90^{1/8}. Печ. л. 6. Усл. печ. л. 6. Уч.-изд. л. 7,4. Печать офсетная. Тираж 766 000 экз. Заказ 2728. Цена - 25 к.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197101, Ленинград, ул. Мира, 3.

Катя выросла за лето.
Но для Вовки плохо это!
Он теперь не видит доску —
Видит Катину прическу.
Вовка этого не вынес,
Сантиметра на три вырос!
Мы раздумывать не стали —
Следом все повзростали!
На последней парте Гоше
Стало жить намного горше,
Он не слышал,
Он не понял —
Вырастанье проворонил!

Л. ФАДЕЕВА

